

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 12

1985

Цезарь СОЛОДАРЬ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

КАПИТУЛЯЦИЯ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 12

Цезарь СОЛОДАРЬ

КАПИТУЛЯЦИЯ

*Из записок военного
корреспондента*

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1985

Цезарь СОЛОДАРЬ

Цезарь Самойлович Солодарь родился в 1909 году в Виннице. С шестнадцати лет работает в печати. Литературную деятельность начал в жанре поэзии. Во время боев с белофиннами — сотрудник фронтовой печати. В годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом на фронте, где вступил в ряды КПСС. Закончил войну в Берлине, откуда передал корреспонденцию о подписании акта капитуляции фашистского военного командования.

Ц. Солодарь много пишет в жанре драматургии. Его пьесы «Летний день», «Мальчик из Марселя», «У лесного озера», «В сиреневом саду», «Любовь, директор и квартира», «Весна поет», «Серебряная свадьба», «Сверстники грозы», «Правда о старом кинжале», «Любовь без прощения», «Первоцвет», «День рождения», «Ищите мужчину», «Твой милый образ...», «А цветы останутся», «Благородный металл», «Пелена», «Тем, кто хочет знать» и другие изданы и поставлены многими театрами в нашей стране и за рубежом.

Сатирические и юмористические рассказы, фельетоны и стихи Цезаря Солодаря вошли в его книги: «Роковая индейка», «Не пойман, но вор!», «Хохолок и касса», «Нетипичные типы», «Футболисты, друзья мои», «Над всем, что кажется смешно», «Светло-бежевая кепка», «Точки зрения», «Так, говорят, полагаются», «Возмутительница спокойствия», «Будьте любезны!».

В публицистическом жанре Ц. Солодарем написаны книжки: «Горячее сердце», «За нашей спиной — Москва!», «Где ты, Луиджи?», «Бывшие», «Двойные», «Дикая полынь», «Товар», «Лицемеры», «Ложь», «Фарисеи». За книгу «Темная завеса» Ц. Солодарю присуждена премия Ленинского комсомола 1980 года. За заслуги в развитии советской литературы писатель награжден орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почета».

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!

«Смерть фашистской империи лишена величия. Искусство трагика не прикасается к этому сюжету. В нем нет ничего возвышенного. Это не трагедия, это кровавая истерика. Гитлеровская Германия умерла, как и жила, во лжи, в крови и в грязи».

Почему свои короткие записки о штурме Берлина и его падении я начинаю со строк Льва Славина, в ту пору военного корреспондента «Известий», из очерка «Последние дни фашистской империи»? Потому, видимо, что из многочисленных воспоминаний писателей-фронтовиков о тех днях этот очерк наиболее совпадает с тем, что сохранила моя память и запечатлело сердце. Но коснусь я только того, о чем мало рассказано другими военными корреспондентами, участвовавшими в великой битве за Берлин.

Да, поистине символично и знаменательно: штурм Берлина — последнее и решающее сражение Великой Отечественной войны — начался в канун 75-й годовщины со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

В своих «Воспоминаниях и размышлениях» Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, командовавший советскими войсками в битве за Берлин, свидетельствовал, что 20 апреля дальнебойная артиллерия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии, во главе которой был генерал-полковник В. И. Кузнецов, открыла огонь по Берлину. Так начался исторический штурм Берлина.

Уже на следующее утро корреспондент «Комсомольской правды» Александр Андреев и я видели в батареях артиллерийского полка гвардии подполковника Жеребцова листовки-молнии под заголовком «Первый залп по Берлину прогремел в канун ленинской годовщины!».

«21 апреля,— писал Г. К. Жуков,— части 3-й ударной, 2-й гвардейской танковой, 47-й и 5-й ударной армии ворвались на окраины Берлина и завязали бои в самом городе».

Характерная деталь: накануне в пехотном подразделении гвардии младшего лейтенанта Шитякова появилось красное полотнище со словами: «На знамени гвардии — Ленин! В сердцах гвардейцев — Ленин!» Флаги и полотнища с такими лозунгами были, как

рассказывали политработники, почти во всех гвардейских подразделениях, ворвавшихся в столицу фашистского рейха.

А когда же вошли в Берлин дивизии 79-го стрелкового корпуса под командованием талантливого, по определению Г. К. Жукова, командира — Героя Советского Союза Семена Никифоровича Переверткина? В самый день ленинской годовщины — 22 апреля. Факт, заслуживающий особого внимания: ведь именно бойцы генерала Переверткина, пройдя нелегкий путь с северных окраин города, форсировали Фербиндунгсканал, овладели станицей Путилицштрассе, освободили из страшной тюрьмы Моабит тысячи пленных и политических узников, захватили мост Мольтке, вышли к рейхстагу и после длительного штурма взяли эту цитадель фашистского Берлина.

Вместе со многими писателями-фронтовиками мне посчастливилось встретить 75-й ленинский юбилей в воинских частях, добивавших врага в его собственном логове.

Удивительно ли, что те дни навсегда запечатлелись в памяти и в сознании!

Какую волнующую обстановку духовного подъема в сочетании с наступательным порывом воскрешают в памяти сейчас, много лет спустя, скупые, но столь точно воспроизводящие атмосферу тех дней строки из книги воспоминаний Г. К. Жукова:

«Вся воспитательная работа с войсками была одухотворена именем вождя революции. Партийное сознание бойцов и офицеров в этот исторический период завершения войны было чрезвычайно высоко...»

В моей пьесе «Твой милый образ» один из эпизодов происходит в полуразрушенном доме на пылающей окраине Берлина. Военный корреспондент Максимов диктует телеграфистке:

«Москва, «Красная звезда». Абзац. Первый из фронтовых знакомых, кого я встретил на берлинской окраине, был политработник Ратоян. Но побеседовать с подполковником не удалось. Он спешил на передний край, на захваченную станцию берлинского метро. Сегодня, 22 апреля 1945 года, везде, даже на самых горячих точках, проводятся беседы о 75-летию со дня рождения Ленина...»

— У нас во время беседы грохнулся «Юнкерс», — замечает телеграфистка. — Почти рядом».

Когда я писал этот эпизод, касающийся работы военных корреспондентов, передо мной возникали лица моих боевых товарищей — одухотворенного, неизменно поглощенного размышлениями Всеволода Вишневого, динамичного, с воспаленными от бессонных фронтовых ночей глазами Бориса Горбатова, внешне неторопливого, но настойчиво докапывающегося до малейшей детали Всеволода Иванова и других наших замечательных писателей — в ту пору военных корреспондентов, торопившихся передать в московские газеты статьи, пусть наскоро написанные, но правдиво показывающие, как бессмертный образ Ленина осенял в те дни советских бойцов.

В пьесе Максимова приходится прервать передачу корреспонденции в Москву: узел связи срочно свертывается — его выдвигают ближе к центру Берлина, на улицу, ведущую к рейхстагу. Эта деталь тоже строго документальна. Писатель Леонид Коробов вынужден был прервать передачу корреспонденции в «Правду» именно по такой — весьма радостной! — причине. Коробов, настойчивый и до лихости презиравший опасность военный корреспондент, под огнем помог связистам передислоцировать на новое место узел связи — только бы поскорее снова связаться с Москвой и рассказать читателям, как советские бойцы отмечают подвигами — ленинскую годовщину в Берлине.

«Увеличилось количество вступающих в ряды Коммунистической партии», — говорил о тех днях Г. К. Жуков.

И вспоминается, как в объёме огнем Берлине под не прекращающийся ни на секунду грохот боев в небе, на земле и под землей (ведь жестокие схватки шли также в тоннелях метрополитена и подземных коммуникациях) проходил прием героев победного сражения в ряды ленинской партии.

Член Военного совета 1-го Белорусского фронта К. Ф. Телегин, начальник Политуправления фронта С. Ф. Галаджев, член Военного совета 5-й ударной армии Ф. Е. Боков, член Военного совета 3-й ударной армии А. И. Литвинов и другие руководящие политработники рассказывали нам, военным корреспондентам, как много беспартийных воинов в ходе последних боев подавали заявления в партию. Работники политуправлений фронта и армий внимательно наблюдали за работой дивизионных парткомиссий, которым зачастую приходилось передвигаться вместе с наступающими подразделениями.

И в ленинские дни рассмотрение полученных из батальонов, рот, батарей приемных дел тем более не задерживалось. Сам по себе установился такой закон: в первую очередь рассматривались заявления о приеме в партию бойцов, вошедших в штурмовые группы и отряды преследования, образованные в каждом войсковом подразделении. Из множества желающих отбирали самых проверенных, самых храбрых и смекалистых бойцов, способных вести бой не только за улицу, за дом, за этаж, но и выковыривать из укрытий притаившихся там фанатиков.

Довелось мне познакомиться с приемными делами в парткомиссии, заседавшей в подвальной пакгаузе догоравшей товарной станции близ Тельтовканала. Члены парткомиссии вместе с автоматчиками прошли по переправе, наведенной понтонерами под настильным огнем противника. У секретаря парткомиссии правая рука была на перевязи. Все заявления, с которыми он разрешил мне ознакомиться, отличались краткостью и выразительностью. Текст более подробного заявления младшего сержанта П. Кудрия сохранился в моих записях:

«Меня определили в группу преследования. Почетное в этом доверие. Хочу преследовать врага в его логове в высоком звании партийца-коммуниста, поскольку в настоящей группе, кроме не доросших до партийного возраста комсомольцев, большинство состоит в партии. И все хотят добить проклятых гитлеровцев. Если моя просьба от души будет удовлетворена, прошу выдать мне на руки самую коротенькую справку, что я действительно принят в ряды ВКП(б) в 75-ю ленинскую дату. Прошу вполне поверить, что так буду преследовать гитлеровских злодеев, что заслужу получение партдокумента по всей форме. Сегодня 22 апр. 45 г., и не очень много осталось до фабрички, в которой разведка установила скопление гитлеровцев, по которым бьет наша артиллерия. А потом пойдут самоходки и мы. Вперед, к полной победе над немецко-фашистскими захватчиками!»

Нередко созывались в подразделениях и партийно-комсомольские собрания, где проходила, как тогда говорили, передача лучших комсомольцев в ряды партии. Ораторам порой нужно было чуть ли не кричать, чтобы их не заглушила канонада и грохот боя. Впрочем, оратор — не совсем подходящее слово. Речи состояли большей частью из одной-двух фраз:

— Комсомолец Непрядьев не дрогнул в рукопашной, как и под Берлином в разведке. Он будет стойким коммунистом.

— На берлинском счету комсомольца Свириденко уже один вражеский пулемет и два фаустника, он сражается как коммунист.

— Экипаж нашего танка верит, что проверенный в огне башенный стрелок комсомолец Дударев оправдает звание коммуниста.

Шестеро комсомольцев из роты младшего лейтенанта Цулукидзе, отличившиеся при форсировании Шпрее, 23 апреля в минуты короткого затишья написали заявления о приеме в ряды партии. Не успели обратиться к парторгу, как их вызвал командир:

— Нужно подавить огневое гнездо противника. Когда наши начнут продвигаться к центру, может быть много жертв.

Комсомольцы — одного из них, как у меня записано, звали Анатолием Журковым — решили:

— Выполним приказ — тогда и подадим заявления в партию.

И двинулись на выполнение опасного задания.

Будучи тогда корреспондентом газеты Военно-Воздушных Сил страны, я, естественно, много времени проводил в частях сражавшейся в небе над Берлином 16-й воздушной армии генерал-полковника авиации С. И. Руденко, не однажды присутствовал на партийных собраниях, проводившихся, что называется, под крылом самолета. Собрания были действительно короткими, но неторопливыми. Хотя боевая дружба сроднила в одну семью каждую эскадрилью, каждый батальон аэродромного обслуживания, хотя все авиаторы хорошо знали друг друга, любое заявление о приеме в ленинскую партию

рассматривалось внимательно и, я бы сказал, значительно: ведь коммунист должен быть всегда впереди!

А в берлинском сражении передовая роль коммунистов, прежде всего парторгов и политруков, проявилась особенно ярко. Вспоминается бой стрелкового батальона в центре Берлина за напминавшее старый каземат здание типографии. В решающий момент атаки бойцы услышали призывный возглас старшего сержанта Санжарова, парторга пятой роты. Они знали, что, перед тем как ступить на территорию освобожденной Польши, Санжаров положил в платочек горсть советской земли и на груди пронес ее под огнем в Берлин. Рота овладела зданием, но отважный парторг погиб.

Хранится у меня «молния», рассказавшая о подвиге сержанта Осипова, ставшего коммунистом перед самым боем за район Фридрихсфельде. Молодой коммунист, заменив раненого командира взвода, увлек за собой бойцов в атаку и водрузил красный флаг над самым высоким зданием.

Впереди атакующих шли по примеру коммунистов и комсомольцы. Некоторые боевые операции в Берлине заслуженно прослыли комсомольскими. Во дворец кайзера Вильгельма на Шлоссплаце, к примеру, первыми ворвались двенадцать комсомольцев во главе с комсоргом батальона старшим сержантом И. Песковым. И комсомолец Алексеенко сдержал клятву, данную накануне на комсомольском собрании: водрузил на кайзеровском дворце красный флаг.

Ознаменованы были ленинские дни в Берлине и событиями, олицетворяющими глубокий интернационализм наших войск. Из берлинских тюрем и подземных заводов советские воины освобождали не только белорусских, украинских, русских полонянок, угнанных в фашистскую неволю, не только чудом уцелевших немецких коммунистов и борцов антигитлеровского Сопротивления, но и томившихся на фашистской каторге югославов, чехов, французов, датчан, бельгийцев, норвежцев.

Многие из них, погрузив на самодельные тележки свой жалкий скарб, а иногда посадив туда и впервые увидевших небо детишек, брели не в том направлении, где бои уже совсем утихли, а вслед за наступавшими советскими войсками. Им, изведавшим ужасы гитлеровского плена, казалось, что, пока слышится гром войны, надежнее быть поближе к армии-освободительнице. А другие, чей путь на родину пролегал на запад, шли на восток. Почему? Отвечали по-разному, но все сводилось к одному: «Захватили нас гитлеровцы на западе, но освобождение пришло к нам с востока. Оттуда мы скорее найдем дорогу на родину». И часто на плакатах, возвышавшихся над нестройными колоннами освобожденных узников фашизма, наши бойцы видели заветное имя Ленина.

Политработники армии генерала Кузнецова перед началом штурма Берлина заготовили бланки листовок-«молний» с заголовка-

ми: «Прочти и передай другому!», «Прочти вслух товарищам!». Добрую службу сослужили эти бланки, когда наши части ворвались в Берлин! Хотя бы в нескольких словах, но парторги, комсорги, ротные агитаторы с помощью листовок неизменно пропагандировали среди бойцов каждое проявление личной храбрости, удачный бросок вперед, взятие нового рубежа.

На очищенных от врага берлинских улицах можно было видеть призывы к идущим вперед бойцам: «Нас осеняет ленинское знамя!», «Гвардеец, Москва тебе салютует!» Встречались и короткие надписи, носившие характер оперативных боевых инструкций: «Проверь подземные люки», «Будь зорок: фашистские бандюги насильно выгоняют на простреливаемое место женщин и детей!».

Такие надписи делали буквально на ходу партактивисты и агитаторы. Писали их мелом, углем, мазутом, изредка красками на стенах, заборах, даже на лафетах мертвых вражеских орудий. Иногда едко «комментировали» аккуратно выведенные масляной краской фашистские лозунги. Скажем, к словам «Берлин останется немецким!» дописывали: «Немецким, но не фашистским!». Поднимала боевой дух и такая, например, настенная полемика близ Силезского вокзала. «Русские не войдут в Берлин» — вещала надпись по-немецки, а рядом красовался размашисто написанный мелом ответ: «Врешь! Мы в Берлине встретили ленинскую годовщину!» «И не забудем!» — приписано углем.

Да, неизгладимый след остался в сердце всех, кто достойно отметил ленинский юбилей в поверженном Берлине. Понимаю, слова «отметил юбилей» трудно увязываются с артиллерийским огнем и ранами, с танковыми бросками и раздачей щей голодным немецким детям, с пожарами и спасением обреченных фашистами на смерть женщин. И все же нашими воинами в те дни владело особое, приподнятое настроение. В горячке сражения они отдавали себе отчет, в какие дни ведут эти бои. В красных флагах, какими были отмечены завоеванные рубежи огромного города, они видели отблески неугасимого ленинского пламени, в адском шуме продвижения к ратуше, Бранденбургским воротам и рейхстагу различали музыку Победы.

О том, что в них жили эти настроения, участники последнего сражения войны рассказали в многочисленных письмах, записях, дневниках и охотно передали их Алексею Суркову, Евгению Герасимову, Евгению Долматовскому, автору этих строк и другим литераторам из бригады, начавшей вскоре сбор материалов для документального сборника «Штурм Берлина». Собранных записей вполне хватило бы на десятки томов! Не вошло в сборник такое, например, письмо заряжающего Ф. Лукашина:

«Нашей батарее приказано дать залп по вражеским войскам, укрепившимся в центре Берлина по дороге к ратуше. «Помните, товарищи, — напоминает кто-то, — наши лозунги на снарядах, когда

мы били с восточной стороны Одера? Надо бы и сейчас выразить». И сразу же слышится: «Сегодня день рождения Владимира Ильича Ленина — стало быть, надпись может быть только такая: «Ленинский зал по сердцу фашистского логова!»

Часто в собранных материалах рассказывалось, как в те дни родился и сразу же привился прекрасный обычай — водружать на захваченных зданиях, мостах, исторических памятниках красные флажки. Нетрудно это понять: ведь любой даже самый крохотный объект в Берлине приходилось завоевывать ценой яростного боя, преодолевая яростное сопротивление. Алое созвездие флажков сверкало на берлинских улицах под весенним солнцем предвещьем скорой Победы.

Но чем ближе подходили наши штурмовые группы к рейхстагу, тем все более заметным становился мертвенно белый фон. Это перепуганные жители Берлина и понявшие безнадежность своего положения командиры наскоро сколоченных по истеричному приказу фюрера инвалидов, стариковских и ученических отрядов лихорадочно вывешивали белые простыни, скатерти, наволочки и даже мотки марлевых бинтов на уцелевших балконах и среди черных развалин. На этом фоне особенно ярко выделялись наши красные флажки, а также и флаги, которые водружали на наиболее крупных объектах бойцы. Их трепещущие алые полотнища были далеко видны и звали наших воинов вперед, к рейхстагу. Водружение красных флагов на узловых, особенно важных для врага объектах доверялось самым храбрым, самым бесстрашным. Такая традиция сохранялась до последних минут берлинского сражения. И нисколько не умаляла она отваги и бесстрашия всех участников героических боев, всего советского воинства. Хорошо сказал Борис Горбатов, вспоминая штурм рейхстага:

«Если спросят меня — не участника боя, а только очевидца, — кто водрузил знамя Победы над рейхстагом, я отвечу: все. Все советские воины.

И те, кто, не добежав до рейхстага, лежал на изрытой снарядами площади, сжимая мертвой рукой алый, как кровь, флажок. И комсомолец Пятницкий, распростершийся с красным знаменем у самой первой ступеньки лестницы, ведущей в рейхстаг. И живые и ныне казах Кашкарбаев и русский паренек Гриша Булатов, утвердивший знамя на четвертой ступеньке лестницы. И русский солдат Егоров и грузин Кантария, водрузившие знамя над самым куполом, — все советские воины грудью своей проложили дорогу Победе и подняли высоко над землей ее знамя».

«Не звездное знамя янки, не полосатый флаг британцев, — скажет впоследствии со страниц «Правды» Борис Горбатов. — А наше знамя. Алое, как наша кровь. Прекрасное, как наша правда».

Эти слова писателя-коммуниста, выстраданные скитаниями по

дорогам войны в горькие дни отступления и одухотворенные стремительным продвижением вперед в радостную пору наступления, звучат сейчас особенно знаменательно, особенно ко времени. И напоминают, как пришли к Победе советские воины, начавшие завершающее сражение Великой Отечественной войны в весенние дни ленинского юбилея.

...Наступает первомайский рассвет, а бой в рейхстаге, над которым уже полочется в багровых отвесах пожаров Знамя Победы, продолжается.

Схватки идут за каждую нишу, за каждый лестничный пролет, за каждый каменный подоконник, за все, что отчаявшиеся гитлеровцы превратили в огневые точки.

Все новые и новые наши подразделения включаются в штурмовую операцию. И чем яростней становились бои за полное овладение последним символическим оплотом гитлеризма, тем заметнее ширился приток заявлений от советских воинов о приеме в ряды ленинской партии. «Хочу вороваться в рейхстаг коммунистом» — эти слова чаще других можно было прочесть в заявлениях, написанных на полубогрехших листках бумаги.

Вот почему партийная комиссия тоже продвигалась к рейхстагу, не отставая от наступавших колонн.

— Во время штурма рейхстага, — рассказывал через несколько часов после капитуляции Берлина секретарь парткомиссии майор И. Зенкин, — наша парткомиссия пробиралась по улицам, заваленным камнями, сожженными машинами, трупами гитлеровцев. Уже под самым рейхстагом мы провели заседание в подвале разбитого дома. Товарищей, которых принимали в партию, порой приходилось подолгу ждать: отрывать их от дела было нельзя. Мы ждали, пока они смогут освободиться на несколько минут. Пришел лейтенант Кашкарбаев, безуспешно пытаясь скрыть только что полученное ранение. Он уже успел прославиться в уличных боях. «Хочу штурмовать рейхстаг членом ленинской партии», — писал он в своем заявлении. И к моменту приема в партию уже начал этот штурм. Успел проникнуть в рейхстаг и силами своего взвода уничтожил там немало фашистов. Кашкарбаева приняли в партию, а уже через несколько минут он опять сражался в рейхстаге, выкуривал гитлеровцев из подвалов. Приняли в партию и сержанта Киву, который своим огнем поддерживал атаку взвода Кашкарбаева... Вскоре мы узнали, что советские люди, которых мы только что приняли в партию, совершили новые подвиги.

Следующее заседание парткомиссии под председательством майора Зенкина происходило уже в самом рейхстаге.

— Мимо нас проходили колонны пленных фашистов, — продолжал рассказ майор. — Это было незабываемое заседание. Мы увидели тех, кто дрался в залах рейхстага, кто первым вступил на

лестницу этого здания, кто поднимался на самый купол, чтобы водрузить Знамя Победы. Первым на том заседании был принят в партию капитан Неустроев. Это бойцы его прославленного батальона комсомольца Егоров и Кантария стали первыми советскими знаменосцами в рейхстаге...

Надо добавить, что пока шло заседание парткомиссии, нашим воинам приходилось еще выковыривать из самых неожиданных укрытий оголтело сопротивлявшихся фашистов. Это требовало особенной смекалки и дерзости. Не случайно кому-то из наших офицеров, руководивших последними операциями по окончательной очистке поверженного рейхстага от остатков фашистской нечисти, пришлось попросить парткомиссию в виде исключения обсудить «вне очереди» заявление одного сержанта, основательно поднаторевшего на «выковыривании».

— Странная формулировка,— резко заметил секретарь парткомиссии.— «Вне очереди». Здесь идет прием в партию.

— Разрешите пояснить,— волнуется офицер.— Приказано очистить укрытие сбоку от входа на чердак. Вроде бы легко, а потери несем. Но данный товарищ,— указывает он на смущенного сержанта,— имеет большой опыт по штурму самых замысловатых зданий. И «дом Гимmlера» очищал и рейхсбанк. Так что, товарищ секретарь парткомиссии, мотивы исключительные!

— Действительно, исключительные,— улыбается майор.— Обсудим данного товарища вне очереди.— Сержант подходит к массивной зеркальной подставке, используемой парткомиссией под письменный стол. Зенкин замечает свежую перевязку на шее сержанта. Кивнув на четыре ленточки — знаки ранений на груди сержанта, спрашивает:

— Где же это вас в пятый раз угораздило?

— В общем, как раз здесь,— застенчиво отвечает сержант и указывает на то место, где сидит секретарь парткомиссии.

О последних часах боев за полное овладение рейхстагом красочно рассказал 2 мая Александру Андрееву, Евгению Долматовскому и мне старший сержант Илья Сьянов. Этот храбрый воин, в прошлом колхозный бухгалтер из села Семиозерное, Кустанайской области, впоследствии Герой Советского Союза, перед самым штурмом рейхстага принял от раненого лейтенанта командование ротой.

— Наступила ночь, стрельба затаившихся в рейхстаге гитлеровцев как будто несколько поутихла,— рассказал Сьянов.— Я решил пробраться вниз. Но скоро подземелье ожило. Мне докладывают: «Сильное подземное движение». В такой обстановке гранаты решают все, и мы стали забрасывать подвалы гранатами. В конце коридора я велел поставить станковый пулемет. Как только появлялись фашисты, их тотчас же срезали пулеметной очередью. Притихли. Но вскоре наши автоматчики снова уловили сильное движение. Не вздумали ли поганцы в плен сдаваться? Я приказал солдату Шубкину

зычно крикнуть: «Хенде хох!» И вот выползают три немца. На груди автоматы, в руках парабеллумы. Объявляют: «Мы парламентареры, хотим видеть офицера». Пришел лейтенант Берест. И через появившуюся в роли переводчицы фрау в желтой плюшевой жакетке предлагает их офицеру со множеством нашивок и крестов на мундире: «Сдавайтесь немедленно. Прекратите бессмысленное сопротивление». Гитлеровец попросил двадцать минут на размышление...

Но Сьянов тут же смекнул, что комедию с парламентарерами фашисты затеяли для того, чтобы отвлечь его внимание от двух немецких танков и пехотной колонны, подходивших с левой стороны рейхстага. Используя заваленный щебнем и кирпичом запасной выход, фашисты с криками: «Сдавайтесь, вы окружены!» — стали вылезать из подвалов и поджигать занятые нашими воинами комнаты. У Сьянова загорелась шинель, у некоторых солдат даже волосы задымались.

— Дорого обошлись фашистам эти поджоги, — рассказал Сьянов. — Нас они не запугали, мы стали только злее. Я видел, как Иванов отбивался от шести немцев. Всех уложил. Остальные засели в угловой комнате. Мы закидали ее бутылками с зажигательной смесью. Фашисты, как ошалелые, выскочили прямо на нас. Один на меня навалился. Я стоял под пролетом, колонна рухнула, и не за что было держаться. Фашист ухватился за мою ногу. Тогда другой ногой я его — по лицу. Он плюхнулся вниз. Другие фашисты, выбегая из горящей комнаты на лестницу, тоже проваливались в пропасть... Бой длился почти до трех ночи. К этому времени были очищены почти все этажи здания. Все было устлано фашистскими трупами. Вид у нас был жуткий. Все черные, в саже. Я потянул полу шинели, чтобы лицо вытереть, — а она в труху превратилась... Стало тихо. Командир батальона вызывает меня и говорит: «Товарищ Сьянов, передавайте свой рейхстаг Грибову и Антонову, а сами идите отдыхать».

Простыми, обыденными словами закончил свой рассказ Сьянов, один из многих советских воинов, доблестно сражавшихся за взятие рейхстага. Но сколько в этих словах веры в могущество советского оружия, в торжество нашего правого дела, в нашу полную Победу.

— Я показал Грибову и Антонову все опасные места. Принесли ужин. Мы закусили, и я со своими бойцами вышел к подъезду рейхстага, расстелил плащ-палатку, повалился на каменные плиты и тут же заснул...

Не закончились ли схватки в рейхстаге в те минуты, когда советский воин-победитель Илья Сьянов заснул на плитах подъезда догоравшего рейхстага? Когда гитлеровская цитадель была окончательно очищена от последнего гитлеровца? В те дни в сообщениях военных корреспондентов приводились, чего греха таить, разные даты и часы.

Но двадцать два года спустя Георгий Константинович Жуков сказал корреспонденту «Огонька» М. И. Мержанову, работавшему тогда над изданной Политиздатом книгой о последних днях фашистского Берлина:

— Бои в рейхстаге продолжались всю ночь на 1 мая и весь праздничный день. К концу 1 мая гитлеровские части общим числом около 1 500 человек, не выдержав борьбы, сдались. Рейхстаг был полностью очищен от противника.

Через день капитулировал гарнизон поверженной столицы фашистского рейха, бои за взятие которого, как известно, были начаты в дни 75-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина. За это короткое время многие тысячи советских солдат и офицеров вошли в монолитные ряды ленинской партии, с гордостью сознавая, что и к ним относился столь часто звучавший в сражениях призыв «Коммунисты, вперед!»

КАПИТУЛЯЦИЯ

Утро 8 мая выдалось под Берлином особенно лучезарное. В Штраусберге, где в приозерной части городка в основном разместился наш корреспондентский корпус, буйствовала сирень, властно заглушая пряным ароматом горьковатые запахи дотлевающих пожарищ.

Позавтракав, я принялся приводить в порядок свои берлинские блокноты. И только после полудня вышел на улицу.

Вначале не обратил внимания на то, что по дороге в столовую не встретил ни одного из находившихся в Штраусберге наших корреспондентов. Но когда официантка мне сказала, что рано-ранехонько только два-три журналиста забегали наскоро позавтракать, я понял: все куда-то спешно уехали. Куда? Зачем? Отчего же я ничего не знаю!

Выхожу из столовой и тут же сталкиваюсь с подъехавшим на машине адъютантом члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта Константина Федоровича Телегина, немногословным и несколько мрачноватым капитаном.

— Всеволода Вишневого не видели? — с ходу спрашивает он.

— Нет.

— И не знаете, где он?

— Нет.

— И вчера не видели?

— Нет.

— Вы не первый так отвечаете, — грустно заключил капитан.

Досадливо потоптался на месте и как-то нерешительно начал:

— Значит, вот что... Если вдруг встретите товарища Вишневого...

Правда, он должен был еще позавчера улететь. Политотдельцы армии

Чуйкова не сомневаются, что улетел. Но другие засомневались. Говорят, отложил отъезд. Вроде бы в части фронта Конева поехал... Так вот, если встретите товарища Вишневого — мало ли что в жизни случается,— скажите, пусть немедленно мчится... Немедленно! Только не в Военный совет, а в Карлсхорст. На востоке Берлина, Пусть мчится в здание на Цвизелерштрассе, там у немцев военно-инженерное училище было. Пусть обратится к... старшему по охране, и скажет, что... словом, что значится в списке. Его проводят...

— Куда? — нетерпеливо вырвалось у меня.

— Куда следует,— уклончиво ответил адъютант.— Ох, спешу! Мне еще порядочно километров отмахать надо! — И направился к машине.

— Так ведь до Военного совета рукой подать.

— А я не туда... Я... туда.— Капитан направился к машине.

— Куда? Что произошло? Все корреспонденты почему-то исчезли!

В моих возгласах прозвучало такое отчаяние, что капитан остановился.

— А вы, товарищ майор,— так-таки ничего не знаете? — недоверчиво взглянул он на меня.— А ведь тоже как будто к нашему фронту прикомандированы?

— Вы же знаете, я здесь от «Сталинского сокола». Меня принимал член Военного совета.

— А где вчера вечером, извините, прохлаждались? — В ироническом вопросе капитана я уловил сочувственную нотку.

— Уже ночью вернулся из авиакорпуса резерва Главного командования и сразу завалился спать. Страшно устал,— стал оправдываться я.

— Машина у вас есть? — неожиданно спросил капитан.

Я кивнул.

— Слушай, друг,— доверительно перешел адъютант на «ты», и оглянулся по сторонам: — Я тебе ничего не говорил, ты от меня ничего не слышал. Либо ты прозевал, либо про тебя забыли. Сегодня главные гитлеровские вояки подписывают в Карлсхорсте полную и безоговорочную капитуляцию вооруженных сил фашистской Германии.

И я узнал, что корреспонденты, получившие вчера поздно вечером специальные пропуска, сегодня утром уже видели, как на аэродроме Темпельхоф приземлился «Дуглас», на котором прилетела делегация командования союзных войск: главный маршал авиации Артур В. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США Карл А. Спаатс и адмирал Гарольд Берроу, командующий военноморскими силами союзников. Прилетели и доставлены в Карлсхорст и те, кого «короткометражный» преемник фюрера гроссадмирал Дениц уполномочил подписать от лица низверженного командования разгромленных вооруженных сил третьего рейха акт капитуляции:

фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник авиации Штумпф и адмирал флота Фридебург.

— Церемонию как раз сейчас уже начали бы,— взглянул на часы капитан.— Но, на твое счастье, из Москвы пришло указание — не принимать капитуляцию без представителя вооруженных сил Франции. За ним послали самолет... Словом, садись в машину, гони напрямик в Карлсхорст, к зданию военно-инженерного училища. Правда, в здание тебя ни за какие коврижки не пропустят,— сочувственно вздохнул капитан. Пропуска, повторяю, уже всем выданы, еще вчера вечером здесь утвержден список корреспондентов...

Да, в этот список один из сотрудников «Красной звезды», числившийся старшиной нашего корреспондентского корпуса, забыл включить Леонида Леонова, Василия Гроссмана, Александра Бека, Евгения Габриловича, Виктора Полторацкого, меня и еще нескольких писателей, представлявших в поверженном Берлине наши центральные газеты. И вот сейчас обладатели счастливых пропусков «на право присутствия на особом мероприятии» разгуливают по коридорам карлсхорстского училища, где произойдет историческая церемония. А я...

А я мечусь у почерневших от времени и копоти серых стен училища и лихорадочно жду, пока судьба пошлет кого-нибудь, кто поможет мне напомнить о себе кому-либо из знающих меня генералов из штаба или Политуправления фронта. И судьба послала Константина Симонова.

Выйдя из подъезда, он в ответ на мои красноречивые взгляды сочувственно развел руками и крикнул мне через разделявший нас барьер охраны:

— Старик, не знаю, чем могу помочь.

— Одним только,— ответил я.— Найти генерал-полковника Руденко, командарма 16-й воздушной...

— Да, он здесь.

— Надо передать ему записку.

Тут же я настроил короткое послание. Забыв, что я, майор, обращаюсь к генерал-полковнику, написал приблизительно так: «Дорогой Сергей Игнатьевич! Только Вы можете помочь мне и Вашей родной газете. Я не имею пропуска на историческую церемонию, которая скоро здесь начнется. Подумать только, центральная газета военных авиаторов завтра выйдет без очерка своего корреспондента о таком событии! А какой это удар для меня — пройти войну от Москвы до Берлина и... Умоляю, помогите!»

Возможно, тогда я написал несколько по-иному. Но восклицательных знаков, помню, было еще больше.

Терпеливо дождавшись, пока я закончу писать, Константин Михайлович взял записку и вернулся в здание.

За минуты ожидания я понял глубокий смысл затрепанной фразы насчет того, что мгновения подчас кажутся вечностью.

На пороге появился командующий воздушной битвой за Берлин генерал Руденко. Парадный китель и многоцветное сияние множества орденов и иностранных орденов и медалей плюс великолепное настроение, казалось, омолодили командарма, стройного и неизменно подтянутого, на добрый десяток лет.

Я не слышал, что сказал Сергей Игнатьевич одному из офицеров охраны. Но по жестам и выражению лица почтительно вытянувшегося перед ним капитана понял, что тот лишен возможности выполнить указание генерал-полковника и пропустить майора в здание.

Руденко нахмурился. По его худощавым, до синевы выбритым, щекам забегали скулы. И хотя он не только ничего не сказал мне, но даже не взглянул, уходя, в мою сторону, я почувствовал, что генерал доведет дело до конца.

Действительно, через несколько минут на крыльцо вышел франтоватый подполковник и строго, словно речь шла о проштрафившемся офицере, спросил:

— Кто здесь майор из «Сталинского сокола»?

Я откликнулся.

Придирчиво оглядев меня с головы до ног, подполковник заметил:

— А штиблетики следовало бы надраить.

— Штиблеты будут как... как сто улыбок в лицо тротуарам, — поспешил я выпалить бытовавшее среди военных корреспондентов выражение. — Пишущая братия приписывала его старой гусарской среде и позаимствовала у Владимира Луговского в 1939 году, в дни освободительного похода Красной Армии в Западную Украину и Белоруссию.

Заметил подполковник и выбившиеся из-под пилотки пряди моей непокорной шевелюры:

— Аккуратно причесаться тоже не помешало бы.

Я поспешил заверить подполковника, что приведу в надлежащий вид свою, действительно буйную тогда, шевелюру. И услышал последнее наставление:

— Запомните, майор: пропускаю вас сверх комплекта. Из здания не выходить. Высунете голову — обратно не пропустят. И самое главное: если в зале для вас на местах прессы не найдется свободного стула, подсядьте к кому-нибудь на краешек, но только не вздумайте стоять. Тут же попросят из зала.

И вот я, сверхкомплектный, минуя заветный рубеж и попадаю в вестибюль, где прогуливаются приглашенные на церемонию генералы и офицеры. Подчеркнуто радушно меня приветствует товарищ, забывший обо мне и моей газете, когда составлялся корреспондентский список. Но сейчас не время выяснять отношения! Мои мысли заняты другим: как я свяжусь отсюда с Москвой, как передам в редакцию очерк? Конечно, товарищи из «комплекта» уже успели забронировать все имеющиеся здесь средства связи.

Бегло осмотрев здание, убедился, что все телеграфные и телефонные аппараты сосредоточены на первом и втором этажах. Но ведь здание имеет — это можно было увидеть с улицы — и третий полэтаж, этакую голубятню прямо под черепичной крышей. И по не очень удобной лестнице быстро взлетаю туда. А вдруг...

Предчувствие меня не обмануло. В узенькой, островерхой комнатенке две молоденькие связистки дежурят у телеграфного аппарата «бодо». Передаешь телеграмму по такому аппарату — тут же получаешь ленту с переданным текстом.

Связистки поднимаются с мест и, как положено по уставу, приветствуют меня. Но смотрят настороженно. Без приказа начальства они от меня телеграммы, конечно, не примут. Пытаюсь растопить лед официальнойности, вручаю девушкам по плитке голландского шоколада — трофеи из складов при подземной рейхсканцелярии ушедшего в небытие фюрера. Связистки принимают шоколад с благодарностью, но на мои вопросы продолжают отвечать сдержанно и уклончиво.

— Корреспонденты «Красной звезды» и «Правды» сюда не приходили? — не совсем дипломатично спрашиваю я.

— Мы корреспондентов не знаем, — отвечает одна, — мы подчиняемся только начальнику узла связи.

— И без его разрешения ни в «Красную звезду», ни в «Правду» ничего не передадим, — уточняет вторая, она поразговорчивей.

— А мне не нужны никакие редакции, — солидно отвечаю я. — Примите телеграмму в адрес... — И, решив, что Победа все спишет, отчеканиваю: — В адрес Главного штаба Военно-Воздушных Сил!

Связистки даже не успели опомниться, как я начал диктовать. Вот они передо мной, сплошь заклеенные рядами телеграфных лент листки моей передачи из «Кудели» — так идилически назывался пункт военной связи на тихой мансарде в доме по Цвизелерштрассе:

«Вручить немедленно полковнику Московскому. Пишу эти строки в здании, где через несколько минут произойдет событие, которое войдет навеки в историю. Здесь будет подписано условие о полной и безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии...»

И все-таки не был я окончательно уверен, что смогу передать очерк по телефону. Чтобы Василий Петрович Московский, редактировавший тогда «Красную звезду», но одновременно опекавший нашу газету, ощутил мое беспокойство, я закончил телеграмму так:

«Следите за продолжением. Свяжитесь по ВЧ с генералом Руденко. Возможно, буду передавать из его кабинета. Тороплюсь».

Я действительно торопился. Мою телеграмму начали передавать в 21 час 20 минут по московскому времени. А ведь я слышал, что в 21 час 30 минут распахнутся двери зала. Вдруг «комплектные» сотовариши займут все стулья за столом прессы и мне придется покинуть зал!

Начальственно предупредив бодисток, что мне придется, мол, еще не раз сноситься с Главным штабом ВВС, я стремглав помчался вниз. Нет, не опоздал, хотя за окнами уже явственно ощущается весенний вечер. Коридоры по-прежнему были заполнены приглашенными.

Кто нетерпеливо заглядывает в зал, проще говоря, в столовую, где будет проходить процедура капитуляции. Кто задумчиво глядит в окно на непривычно мирную берлинскую улицу. Во всех концах коридора группки беседующих.

Из одной доносятся забытые за четыре года слова: «матч», «вратарь», «первенство». Заядлый футбольный болельщик, я жадно вслушиваюсь.

Лидер беседы — правдист Мартын Иванович Мержанов. Про него до войны я слышал: «Если с Мержановым случится инфаркт, то только из-за проигрыша «Спартака»».

Сегодня утром Мартыну Ивановичу удалось раздобыть у прилетевшего на церемонию наркоминдельца экземпляр «Советского спорта». И сейчас «с настроением», словно торжественную оду, он читает, чуть ли не декламирует статью о предстоящем первом послевоенном футбольном первенстве страны. Особенно смачно Мержанов произносит строки, где говорится о московском «Спартаке». Среди слушателей у него немало пылких единомышленников, нескрываемо воинственно настроен Леонид Кудреватых. Краснозвездницы тут же умеряют пыл спартаковских болельщиков выразительным напоминанием о могучей команде армейцев. И хотя особенно рьяно ратует за ЦДКА журналист, по чьей вине я мог бы сейчас не находиться в этом помещении, болельщицкие симпатии преобладают: я горячо поддерживаю поклонника армейских футболистов. Меня прерывает ленинградский журналист Константин Сухин, он уверен, что в розыгрыше первенства свое веское слово может сказать ленинградское «Динамо».

Не удивляйтесь, читатель, что я столь подробно рассказываю о пустячном споре футбольных болельщиков в часы, предшествующие историческому событию, завершавшему войну. Но, поймите, для нас это была, вероятно, первая за четыре с лишним года беседа не на военную, а на сугубо мирную забытую тему. И мы наслаждались ею, подлинной приметой пришедшего на землю покоя. И затем, надо учесть, в долгом и томительном ожидании «особого мероприятия» корреспондентская братия как-то перегорела. Уже записано все, что можно было записать, уже трижды застолбованы пункты связи с Москвой, а в зал все еще не зовут.

— Безобразие, если не сказать резче! — прорвало молчавшего дотоле Бориса Горбатова. — Как же могли не включить в розыгрыш «Стахановец»? Спортивные интриги, что ли?

— А чья это команда «Стахановец»? — робко спросил Всеволод Вячеславович Иванов, сразу обнаружив свою непричастность к великому клану болельщиков.

— Конечно, донбасская,— лукаво поглядывая на Горбатов, ответил Константин Симонов.— Если она даже проиграет всем подряд, Боря будет с восторгом воспевать ее, как... самую, самую! Ведь она донбасская!

— Буду,— кротко подтвердил Борис Леонтьевич.— Могу тебе, Костя, еще подбросить обличительный матерьяльчик. Когда в Донбассе, наконец, появится собственный Большой театр, его «Лебединое», его «Онегин» устроят меня больше всех и других. И «Стахановец» мне милее всех «Спартак», вместе взятых!

— Но тобой владеют уже не болельщицкие страсти.— Константин Михайлович старался придать своим шутливым словам строгую назидательность.— Это чистейшей воды местничество.

— И тебе придется примириться с тем, что твой друг подвержен нездоровым местническим тенденциям, заслуживающим самого сурового осуждения.

Спор прерывает подошедший к Симонову генерал-танкист. Они встречались на Халхин-Голе. Вскоре Симонов попросит подойти к ним и халхингольца Льва Славина.

Да, немало неожиданных, но радостных встреч произошло в те часы в холлах и коридорах карлсхорстского училища.

Романа Кармена горячо обнимает маршал танковых войск П. Рыбалко. Они не виделись чуть ли не с поры битвы за Москву.

Леонида Коробова узнают участники боев с белофиннами. Они помнят, как писатель достойно заменил в тяжелом бою павшего комбата.

Командиры разных родов войск и политработники разных соединений весело окликают Александра Кривицкого. Руководя в «Красной звезде» отделом литературы и искусства, он периодически выезжал на самые противоположные участки фронта — и многих из старых знакомцев фронтовые пути-дороги привели в Берлин. Кривицкий помнил их подполковниками и батальонными комиссарами, а здесь, в Карлсхорсте, увидел их в генеральских погонах.

Вообще по оживленным восклицаниям, горячим рукопожатиям и скупым поцелуям нетрудно было убедиться, что когда военные корреспонденты «на пикапе драном и с одним наганом первыми врывались в города», то заводили крепкую дружбу с достойными советскими воинами, с настоящими героями войны...

За окнами порядком стемнело. А начало процедуры подписания акта капитуляции все откладывается да откладывается. Не знаю, как другие, но корреспонденты, выехавшие из Штраусберга еще рано утром, очень голодны. Перекусить негде.

— А в комнаты, где сидят Кейтель и его дружки, уже второй раз понесли подносы с неплохой закуской,— поддразнивает нас Леонид Коробов.

Это еще более распалает аппетит. Особенно мучает голод старейшего среди военных корреспондентов Всеволода Вячеславовича Иванова, он не успел позавтракать даже всухомятку. А пойти на обед в столовую, расположенную в соседнем доме, не решился. Туда и обратно молодежь бежала рысцой — ведь каждую минуту корреспондентов могли пригласить в зал на процедуру подписания акта капитуляции. И тут происходит эпизод, о котором мне напомнили несколько строчек из книги Мартына Мержанова «Так это было» (Последние дни фашистского режима):

«Цезарь Солодарь пробрался все же в какой-то буфет и принес один бутерброд с сыром для Всеволода Иванова. Тот был тронут и поделился с ним. Мы с завистью смотрели на них, но больше в буфет никого не впустили».

Изменено точный в своих записях Мержанов в данном случае ошибся: меня тоже не впустили в буфет. А бутерброд для Иванова попал ко мне так. На первом этаже у одной из закрытых дверей, за которой, как мне показалось, готовились к банкету (очень уж дразняще пахло оттуда снедью!), я увидел пожилого офицера. По возрасту ему приличествовало бы звание, по крайней мере, подполковника, но погоны у него были лейтенантские с эмблемой интендантской службы.

— Вам приходилось читать книги Всеволода Иванова?

Таким неожиданным вопросом с места в карьер я ошеломил пожилого лейтенанта. Секунды две-три он недоуменно глядел на меня, затем с оттенком обиды в голосе ответил:

— А по-вашему, товарищ майор, интенданты читают только накладные на продукты и обмундирование! Я, к вашему сведению, не только читал «Похождения факира» и дважды смотрел во МХАТе «Бронепоезд 14—69», но и прекрасно знаю, как Горький помог Всеволоду Иванову войти в литературу. Да будет вам известно, он один из моих любимых писателей, товарищ майор!

— У вашего любимого писателя с утра не было во рту маковой росинки!

Этим восклицанием я окончательно огорошил интенданта. Поняв, наконец, к чему я клоню, он сокрушенно развел руками:

— Что делать? У меня ничего из съестного нет.

— Но, судя по запахам, за дверью полным-полно всяческих закусок.

— Только запахи и остались,— окончательно приуныл лейтенант,— а всю жратву слопали Кейтель и компания. Выглядят пришибленными, а аппетит волчий... Минуточку,— вдруг встрепенулся поклонник ивановского таланта.— Ждите здесь.

Через несколько минут он принес мне небольшой сверток, завернутый в немецкую листовку. Быстро разглаживаю листовку. Оказывается, у меня в руках последнее обращение фюрера к жителям

Берлина: «Каждый, кто пропагандирует мероприятия, ослабляющие силу сопротивления, или даже просто с ними соглашается, является предателем. Он тотчас расстреливается на месте или посылается на виселицу».

Я спрятал в планшетку замасленную листовку, а Всеволоду Вячеславовичу отдал бутерброд с сыром. Только один, но поистине гигантского размера. Так что Иванов мог поделиться не только со мной, но и со своими сотоварищами по «Известиям» — Львом Славным и Леонидом Кудреватых...

Время тянется нестерпимо медленно. Искожено вдоль и поперек здание военно-инженерного училища. Существенная подробность: с начала 1944 года по приказу гитлеровского командования училище готовило преимущественно высококвалифицированных «факельщиков». Да, да, специалистов по превращению в руины и пепел городов и сел, откуда наступавшие советские войска изгоняли оккупантов. По дороге на Берлин не раз меня ужасали практические результаты варварских деяний всяческих минеров, подрывников, наладчиков «адских машин», точнее говоря, профессиональных безжалостных разрушителей, получивших «теоретическую» подготовку в этом мрачном здании.

Осмотрев его, я стал перелистывать блокнот: вдруг найдутся записи, которые можно включить в последнюю корреспонденцию с войны. Последнюю!

Наткнулся на строки, записанные 7 мая. Беседа с сержантом Луканишиным в медсанбате, куда его, пытавшегося скрыть ранение, доставили силой. Имя сержанта второпях не записал, знаю лишь — он из-под Златоуста.

— Только-только ворвался внутрь рейхстага, — рассказал Луканишин, — слышу сверху со ступенек чей-то голос: «Давай, москвичи, наверх!» — и сразу пробудилось в мыслях, как осенью сорок первого я, уралец, и друзья по взводу — с Кубани, из Казахстана, с Украины — все твердо знали: в боях за Москву — мы все москвичи. А уже здесь, в медсанбате, вспомнил, как перед броском по Кенигсплац на рейхстаг молоденький офицер из нашего батальона про метро рассказывал, строил он подземные дворцы. И загорелось во мне мирное желание — домой с войны проехать обязательно через Москву. А то дома засмеять могут: как же так, под Москвой ранен, медаль «За оборону Москвы» налицо, а сам в Москве не побывал...

А вот еще запись беседы с майором П. Олейником. Совсем короткая, но настолько символичная, что впоследствии стала заключительной в документальном сборнике «Штурм Берлина»:

«Вот он, праздник Победы, — читаю выдержку из дневника Олейника. — Наши танки прекратили свой боевой марш в ста метрах от рейхстага, над которым водружено красное знамя. Начав под Москвой свои ратные дела, мы завершили их в Берлине»...

Обе записи еще раз мне напомнили в те минуты: радостный отчет важнейшим победам над гитлеровскими полчищами наши воины начали с разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. Вероятно, с думами о Москве пришли и многие военачальники сюда, на подписание акта капитуляции фашистского командования, — как бы ни пролегал их путь в Берлин. И вообще, о чем их думы в эти минуты? Разве не стоит спросить сейчас об этом многих из них?!

С кого же начать мне, корреспонденту газеты Военно-Воздушных Сил? Конечно, первое интервью перед началом исторической церемонии я обязан немедленно взять у командующего отважно действовавшей в берлинском небе 16-й воздушной армией генерал-полковника (впоследствии маршала авиации) С. И. Руденко. Сколько отважных летчиков воспитала эта армия, воевавшая в сталинградском небе! Достаточно назвать трижды Героя Советского Союза Ивана Кожедуба. Да, немедленно надо проинтервьюировать Сергея Игнатьевича Руденко.

Быстро прошелся по коридорам. Руденко, вижу, беседует с командующим 3-й ударной армией генерал-полковником В. И. Кузнецовым. Понятное нетерпение охватило меня. На мое счастье, кто-то отвлек Кузнецова. Я мигом подбегаю к командарму Руденко. Однако неожиданно для самого себя вместо традиционного «Что вы хотели бы сказать нашим читателям в эти минуты?» задаю такой вопрос:

— О чем за считанные часы до окончания войны беседовали два советских генерала?

Спросил и сразу же смутился. Заметив, очевидно, мою растерянность, командарм ободряюще улыбнулся и просто сказал:

— Москву с Василием Ивановичем вспомнили. Представили себе, как потоки счастливых людей хлынут на Красную площадь, когда в Москву придет весть о победном завершении войны. Так уж повелось у советских воинов на войне: коли тяжело, мысль о Москве придает новые силы, коли радостно — хочешь радоваться вместе с любимой столицей. Частенько от летчиков слышал, что по возвращении из успешного боевого полета им как бы видятся вспышки московского салюта...

Оставались считанные минуты до полуночи. По суетливым пробежкам комендантских офицеров нетрудно было догадаться, что заветный момент приближается. Естественно, все мы, а прежде всего фотокорреспонденты и кинооператоры, попытались войти в зал. Но в дверях стоял добродушный рослый офицер:

— Не могу пустить вас, — с какой-то застенчивостью сказал он. — Корреспонденты войдут в зал только после того, как маршал прикажет ввести капитулянтов.

Корреспонденты ответили дружным ропотом. Даже кроткий Лев Славин побагровел и ринулся к офицеру столь стремительно, что Константин Симонов и Александр Кривицкий поспешили остановить его.

Роль нашего парламентаря взял на себя Роман Кармен. С трудом сдерживая гнев, он отчеканил:

— Хорошенько вдумайтесь в то, что я вам скажу. Сейчас произойдет историческое событие. Советские читатели и зрители хотят знать все, что здесь произойдет. Вот мы, корреспонденты и кинооператоры, обязаны видеть и снимать все с первой до последней минуты. Вам понятно? — Офицер смущенно молчал. И тогда Кармен гневно воскликнул: — Вам, видимо, кажется, что сейчас произойдет совсем рядовое событие! И свою священную обязанность вы усматриваете прежде всего в том, чтобы не допустить ни на йоту никакого отклонения от внешнего декораума!

Сказано это было столь внушительно, да еще под сочувственные реплики всей корреспондентской братии, что офицер безмолвно отошел от двери и с видом обреченности уступил дорогу фоторепортерам и кинооператорам. За ними в зал вошли и журналисты. Вдогонку нам неслись умоляющие возгласы комендантского офицера:

— Только не шумите!.. Только побыстрее усаживайтесь за корреспондентский стол!.. Пожалуйста, не выходите из-за стола!

Мы вошли в зал за одну минуту до полуночи.

Я проверил это по дневникам Мартына Мержанова. Верный многолетней привычке великолепного репортера правдистской школы, он с того мгновения вел поминутную запись всего происходящего.

За корреспондентским столом тесновато. А вскоре нам приходится еще тесней прижаться друг к другу. К находившимся долгие месяцы в войсках 1-го Белорусского фронта советским журналистам и писателям подсаживается группа американцев, англичан и французов, на чьих погонах вместо знаков различия надпись: «пресса» или «военный корреспондент».

Один из них, долговязый американец, с места в карьер принимается хвастать раздобытым у какого-то жителя Берлина номером главной нацистской газеты «Фелькишер Беобахтер» за 20 апреля. Двухстраничная газетенка более чем скромного размера целиком была посвящена дню рождения Гитлера, отмеченному в логове подземной рейхсканцелярии под аккомпанемент разрывов наших артиллерийских снарядов. В центре номера крикливая статья «День рождения фюрера в пору решающей битвы». Написал ее редактор газеты Альфред Розенберг, тщетно пытаюсь сделать хорошую мину при плохой игре. Заголовок статьи можно, однако, разобрать с трудом — в этом месте газетный лист насквозь пропитало большое жирное пятно багрового оттенка, пахнущее машинным маслом. Оказывается, немец, у которого американец взял газету, использовал ее как обертку для какой-то эрзацснеди.

Всеволод Иванов особенно долго рассматривает промасленный газетный лист и со вздохом сожаления возвращает американцу. Уловив это сожаление в глазах старейшего среди нас писателя, Леонид

Коробов с подчеркнутой невозмутимостью достает из планшетки экземпляр того же номера «Фелькишер Беобахтер» — только без жирного пятна! — и по-рыцарски молча вручает Всеволоду Вячеславовичу.

— Дарю.

Внимательно оглядываю продолговатый зал офицерской столовой военно-инженерного училища. Через несколько минут он станет одним из самых памятных человечеству исторических мест XX века.

На небольшом возвышении — стол. Для тех, кого правительство антигитлеровской коалиции уполномочили принять безоговорочную капитуляцию фашистской Германии.

Перпендикулярно к возвышению — два стола. За одним — военные корреспонденты. За другим, более длинным, уже сидят советские военачальники. Это их доблестные части и подразделения форсировали Одер и Шпрее, разгромили оборонявшие Берлин гитлеровские войска и полностью выполнили наказ советского народа, о котором на каждом километре ведущих к Берлину дорог выразительно напоминали лаконичные плакаты: «Добить фашистского зверя в его берлоге!»

Мы узнаем командармов, членов Военных советов, комкоров, комдивов, начальников политотделов, начальников штабов — цвет командного и политического состава Первого Белорусского. Многие улыбаются знакомым писателям. Общительный и подвижный генерал-лейтенант К. И. Телегин, член Военного совета фронта, приветственно машет рукой Константину Симонову и Борису Горбатову. И затем посылает им через комендантского офицера записку: «Неужели так и не удалось разыскать Вишневого и Бека?»

Все генералы — в парадной форме, при орденах и медалях. Это создает впечатление праздничности.

— Нам бы тоже следовало приодеться и хотя бы заменить выцветшие орденские ленточки новыми, — замечает Горбатов. — Мы выглядим здесь заштатными отставниками.

— Боря, не омрачай эти прекрасные минуты самокритикой, — смеется Симонов.

— Нет, Борис Леонтьевич прав: уж очень ordinarily мы здесь выглядим, особенно я, беспогонный, — откликается Всеволод Иванов. — Дабы не напоминать читателям о нашей вызывающей штатности, давайте заключим конвенцию: ни строчки о малиновом звоне генеральских орденов и медалей!

Где-то сбоку, там, где в судах обычно установлена скамья подсудимых, стоит грубо сколоченный, ничем не покрытый стол для представителей командования поверженной армии гитлеровского рейха.

24 часа.

В зал входят и усаживаются за стол на возвышении командующий

Первым Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, его заместитель генерал армии В. Д. Соколовский, прилетевший из Москвы с документацией юридического оформления капитуляции фашистской Германии А. Я. Вышинский, главный маршал авиации Великобритании Артур В. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал Карл А. Спаатс, командующий военно-морскими силами союзников в Европе адмирал Гарольд Берроу, главнокомандующий французскими войсками генерал Делатр де Тассиньи. Рядом с очень худощавым Теддером, заметно пожилым Спаатсом и явно утомленным Берроу наиболее импозантно и парадно выглядит французский генерал. Сияющими глазами он торопится осмотреть все и всех.

О часов 2 минуты 9 мая.

Маршал Жуков открывает заседание. Его слова о том, что сейчас предстоит принять безоговорочную капитуляцию Германии, властно стучат в сердца и заставляют еще раз осознать значение этих минут для всего мира: немецкий фашизм, заливший Европу кровью, поставлен на колени!

И у многих, да, у очень многих подплыл комок к горлу и увлажнились глаза, когда процедуру, знаменующую собой полный разгром гитлеровской Германии и конец второй мировой войны, открыл советский полководец, русский человек, сын крестьянки и мастеравого, питомец ленинской партии, воин Красной Армии со дня ее рождения.

Бывалые и мужественные, не раз глядевшие смерти в глаза солдаты — они пытаются скрыть охватившее их безмерное волнение. Меньше всего это удастся генерал-полковнику Н. Э. Берзарину, первому советскому коменданту Берлина. Храбрый командарм прославленной 5-й ударной и не пытается смахнуть набежавшую слезу.

Состояние Николая Эрастовича Берзарина, человека редкого обаяния, которого в своем берлинском дневнике Всеволод Вишневский справедливо назвал «одним из культурнейших генералов в Красной Армии», очевидно, уловил и сидевший напротив меня Александр Андреев. Едва заметным движением глаз он показал мне на командарма. И нетрудно было догадаться, что в эти мгновения Саша, как и я, вспомнил нашу неожиданную встречу с Берзариним в его кабинете рано утром 28 апреля. Почему же мы очутились у Николая Эрастовича в эти горячие часы — ведь еще не был взят рейхстаг, ведь еще оставалось почти четыре дня до того, как сдавшийся в плен генерал от артиллерии Вейдлинг, последний командующий обороной Берлина, закончил свой последний приказ по войскам Берлинского гарнизона такими словами: «По согласованию с Верховным Командованием советских войск я требую немедленного прекращения борьбы».

А позвали нас с Андреевым и корреспондентом «Московского большевика» Юрием Родионовым к генералу Берзарину, как мы потом узнали, вот почему.

Назначенный командованием комендантом и начальником советского гарнизона генерал в то утро просматривал первые оттиски своего приказа № 1 о переходе всей полноты власти в Берлине в руки военной комендатуры. В приказе, напечатанном по-русски и немецки на трофейной бумаге розового цвета, было объявлено населению столицы, что фашистская партия Германии и ее организация распускаются и их деятельность запрещается.

Николай Эрастович еще и еще раз перечитал экземпляр русского текста приказа. Собравшиеся в кабинете командиры и политработники штаба армии и комендатуры ожидали, что вот-вот последует распоряжение коменданта запустить в печатные машины весь тираж. Но услышали:

— Все мы зверски устали. Кто может поручиться, что наборщики не проглядели какой-нибудь запятой или не набрали два «эн» там, где положено одно? Эх, как на зло, уехал в части Федор Ефимович Боков — уж наш член Военного Совета самой крохотной погрешности против грамматики не допустит!

Кто-то предложил послать машину за корректором в редакцию армейской газеты. Но тут робко вставил слово один из политотдельцев:

— Товарищ командующий, у нас в политотделе сейчас дремлют три каких-то московских корреспондента. Их машина ушла на заправку, да что-то задерживается.

Тремя дремлющими московскими корреспондентами оказались мы — Александр Андреев, Юрий Родионов и я. Поскольку старшим по званию в нашей троице был я, именно мне пришлось ответить на предложение генерала Берзарина тщательнейшим образом, «с душой» прокорректировать оттиск приказа:

— Приложим все силы, товарищ командующий. Только прошу учесть: даже если бы на моем месте был сейчас самый выдающийся наш писатель, он бы мог прозевать то, что обязательно заметит рядовой корректор.

— А у меня, товарищ генерал-полковник, вообще киношное образование, — подхватил Андреев.

Попытался вставить слово в свое оправдание и Родионов, но, заметив, как нахмурился Берзарин, вовремя умолк.

Пауза. Все ожидают неслыханного разноса. Но Берзарин заливисто расхохотался:

— Ну и литераторы нам попались, — покачал он головой. — Сразу же оставляют лазейку для отступления. — Его пронзительные, цыганского склада глаза озорно заискрились: — И все же, товарищи невыдающиеся писатели, приказываю вам превратиться на короткий срок в рядовых корректоров. Обстановка-то какая! Как ваш брат пишет в таких случаях, ярко забрезжила заря Победы!..

Прошло десять дней — заря Победы взошла и ярко засияла. Именно это возвестил сейчас всему миру своими скупыми, но точными словами Г. К. Жуков. Так разве можно удивляться тому, что после его слов многие из тех, кто вложил свой ратный труд в достижение Победы, стали старательно откашливаться, сморкаться, протирать платками глаза — только бы скрыть набежавшие слезы!

0 часов 3 минуты.

В тишине четко звучит знаменитая жуковская фраза:

— Пригласите в зал представителей немецкого главного командования.

И тут неожиданно приключился очень смешной эпизод, о котором мы, корреспонденты, не писали, но частенько вспоминаем и рассказываем на встречах с читателями. А произошло вот что.

После слов Г. К. Жукова глаза всех присутствующих обратились на дверь, в которую должны были ввести обер-капитулянтов.

Но, опередив их, в зал торопливо вошел генерал-полковник С. И. Богданов, командующий 2-й гвардейской танковой армией, чье полководческое искусство тепло отметил в своих «Воспоминаниях и размышлениях» Г. К. Жуков. Стройный, высокий, плечистый, со множеством советских и иностранных и впрямь позванивавших на парадном кителе орденов и медалей, генерал Богданов быстро оглянулся в поисках свободного места. Заметив предназначенные для немецких военачальников стулья, быстро направился туда, к «скамьям подсудимых». Грянул дружный, как говорится в подобных случаях, хохот. Не смог сдержать улыбки даже Георгий Константинович Жуков. Заметив свою промашку, Богданов мгновенно поспешил к генеральскому столу.

Я упоминаю об этом эпизоде, чтобы показать, что на его фоне особо очевидной выглядела дешевая театральщина Кейтеля, пытавшегося придать величественность своему появлению в зале с фельдмаршалским жезлом в руках. Он первым переступил порог зала — генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, верный подручный фюрера по управлению вооруженными силами поверженного третьего рейха. Этот палач Европы, принимавший по поручению Гитлера капитуляцию поработенной Франции, хвастливо обещал ему покончить с Советским Союзом за полтора-два месяца. Сейчас он выглядел усохшим и взвинченным.

— Лакейтель, — внятно прозвучало за корреспондентским столом. Это Лев Славин напомнил нам, что за рабское угодничество перед фюрером так презрительно прозвали своего фельдмаршала его же генералы.

На секунду задержавшись на пороге и выйдя из шока, вызванного непонятным ему громовым хохотом, Кейтель стал театрально жонглировать фельдмаршалским жезлом. Но увы... Никакой реакции! И он, кто через какой-нибудь час станет бывшим фельдмарша-

лом бывшей армии, растерянно опустит жезл и едва не уронит его на пол.

— Уже вторично получил сегодня Лакейтель щелчок по носу, — посмеивался Горбатов и пояснял тем из нас, кто утром не был на Темпельгофском аэродроме и не видел, как на самолете доставили Кейтеля, генерал-полковника Штумпфа, генерал-адмирала фон Фридебурга с кучкой помощников:

— Выполз из самолета Кейтель и заметил на летном поле нашего генерала. Это, очевидно, натолкнуло его на мысль разыграть фарс: встречаемся с советскими командирами, мол, на равных. Засеменил к генералу — одному из помощников Берзарина — со сладенькой улыбкой, чуть ли не с протянутой для рукопожатия рукой. А генерал мельком взглянул на прилетевшую компанию и, уходя, коротко бросил адъютанту: «Первых двух давайте вон в ту машину, остальных рассаживайте по трое, по четверо!» И тут Кейтель сник, посерел лицом...

У приземистого Штумпфа, незадолго до того ставшего преемником Геринга на посту командующего воздушными силами Германии, физиономия и походка вконец опустившегося человека. Усевшись справа от Кейтеля, он украдкой поглядывал на стол советских военачальников. Я тогда записал: «Штумпф, видимо, по погонам и петлицам узнал командарма 16-й воздушной С. И. Руденко. Побагровел. Что ж, в берлинском небе летчики генерала Руденко (среди них легендарный Иван Кожедуб!) окончательно прикончили геринговских и штумпфовских асов!»

Жердеобразный Фридебург старался замаскировать свою озлобленность гримасой показного безразличия к происходящему.

— Эта хмурая селедка еще на аэродроме глядела исподлобья на всех и вся, — прокомментировал Константин Симонов.

0 часов 9 минут.

Главы союзных делегаций просматривают письменное полномочие.

Этот последний в истории войны документ верховного главнокомандования вооруженными силами третьего рейха, подписанный недолговечным преемником Гитлера гросс-адмиралом Деницем, передают по указанию Г. К. Жукова для ознакомления представителям прессы. Напечатан документ был на официальном бланке. Но местонахождение командования «Берлин» было старательно забито черточками пишущей машинки и заменено стыдливым «Главная ставка». Миф! Ставки уже не было и в помине. Была бывшая ставка, как бывшими были все громкие титулы ее сановных представителей. И у верховного главнокомандования разгромленной фашистской Германии уже не было ни места пребывания, ни даже своих бланков!

Кто-то из нас с тревогой заметил на полномочии жирное пятнышко.

— Мы тут ни при чем, — успокаивал товарищей Иванов. — Это отпечаток большого пальца руки вон того американского корреспон-

дента. Какого черта польстился он на промасленную фашистскую газетку! У Коробова же руки чистые...

В моем берлинском блокноте, частично опубликованном к 30-летию Победы в «Огоньке», есть запись:

«0 часов 11 минут. Начинается подписание акта. Оно проходит немногословно, размеренно, бесшумно».

Но сейчас, много лет спустя, я вынужден поправить себя: не так уж бесшумно.

Разве ошибался Лев Исаевич Славин, вспоминая: «Нью-йоркский корреспондент вскочил на стол и зашагал по нему в своих тяжелых ботинках!» Разве по примеру Романа Лазаревича Кармена, выступавшего тогда в двух ипостасях — писательской и кинооператорской, — не взобрались (далеко не бесшумно!) на стулья и подоконники все наши фотокорреспонденты?! Разве Константин Михайлович Симонов не подошел почти вплотную к капитулянтам с блокнотом и ручкой?

Когда он встал из-за корреспондентского стола, Горбатов пытался его удержать:

— Костя, неужели и тебя заразили нарушители порядка?

— Еще вчера, Боря, — с подчеркнутой беспечностью отозвался Симонов, — я бы тебе ответил словами Василия Теркина: «Ничего. С земли не сгонят, дальше фронта не пошлют». А сейчас — тем более нечего волноваться. Победа и этот мой грех спишет!

Через минуту-другую и сам Горбатов, пробурчав что-то невнятное, с грохотом отодвинул стул и спешил к будничному столику, за которым гитлеровские военачальники старательно подписывали последние в их бесславной жизни официальные документы. (После этого им приходилось подписывать уже только протоколы следственных допросов для суда в Нюрнберге над главными военными преступниками).

Так что, возвращаясь к обстановке, в которой подписывался акт капитуляции, я сейчас подвергаю сомнению собственную запись в блокноте и уточняю: в гудящем, словно улей, зале были бесшумны одни только капитулянты. Они размеренно делали то, что им положено. «Все это происходит молча, без слов, — точно фиксирует в своем очерке Горбатов. — Слов уже не надо. Все нужные слова уже сказали Красная Армия и армии наших союзников».

Наши фотокорреспонденты подбирались все ближе и ближе к «скамье подсудимых». От них не отставали литераторы.

А как вел себя в эти минуты я?

Если бы меня спросили об этом сразу же после завершения процедуры, я искренне ответил бы: ни на секунду не отходил от стола прессы! Ведь помимо строгого предупреждения комендантского полковника «всем вести себя, как часы!» на меня еще давило сознание своей «сверхкомплектности». Поэтому я не позволил себе по примеру Симонова, Горбатова, Коробова и других корреспондентов выбирать

в зале более удобные точки для наблюдения за всем происходящим. Тихо-мирно сидел я за столом прессы.

Каково же было изумление, когда лет пять спустя фотокорреспондент «Правды» Яков Рюмкин подарил мне фотоснимок — и я увидел себя... за спиной Г. К. Жукова, Артура В. Теддера и других представителей союзных армий. Оказывается, поддавшись привычке бывалого газетчика все получше рассмотреть, я пробрался на возвышение, где за столом сидели принимавшие капитуляцию военачальники. И все же, не будь такого убедительнейшего фотосвидетельства, я и поныне бы горячо утверждал, что смиренно все время сидел пайнкой за корреспондентским столом...

Итак, в довольно шумливой обстановке капитулянты подписывали акт. За каждым — тоже в последний раз в их жизни — стоял адъютант.

Из трех гитлеровских военачальников наиболее внешне спокойным — особенно на фоне откровенно рыдавшего адъютанта — выглядел Фридебург. Рядом с побагровевшим от волнения студенистым лицом Штумпфа и бегающими глазами вконец растерявшегося Кейтеля мелово-бледная физиономия Фридебурга казалась невозмутимой и равнодушной.

— Ну и бесчувственный же камень, — удивленно обронил кто-то из нас.

— Из троицы лучший актер, — убежденно ответил Всеволод Иванов. — Представляю, каков он будет после всей этой истории. Непременно что-нибудь выкинет...

Точность предвидения замечательного писателя мы оценили впоследствии, узнав, что вскоре же после капитуляции «невозмутимый» адмирал выбросился в пролет лестницы.

0 часов 30 минут.

Подписанные представителями командования разгромленных вооруженных сил фашистской Германии пять экземпляров акта скрепили своими подписями главы союзных делегаций. Первым это сделал Г. К. Жуков.

Процедура оформления акта была закончена.

0 часов 43 минуты.

Кейтель натянул перчатки, поднялся, откашлялся и, натужно приосанясь, раскрыл рот. Он явно хотел произнести не то торжественную речь, не то последнее слово подсудимого. И тут уже в третий раз получил, выражаясь по-горбатовски, щелчок по носу. Оборвав его попытку высказаться, маршал Жуков дал понять, что капитулянты сделали свое дело, капитулянты могут удалиться. Он громко объявил:

— Немецкая делегация может покинуть зал.

Едва не выронив свой фельдмаршальский жезл, Кейтель, а вместе с ним Штумпф и Фридебург, неловко откланявшись, ушли в сопровождении своих адъютантов и штабных офицеров.

0 часов 45 минут.

Поздравляя боевых друзей, маршал Жуков посвятил свои заключительные слова тем, кого уже не было среди нас:

— Как бы порадовались они долгожданной Победе, за которую, не дрогнув, отдали свою жизнь!

Слова замечательного советского полководца звучали так значительно, так сердечно, что невольно ощущалось незримое присутствие в этом зале всех советских воинов, внесших свой ратный вклад в Победу.

0 часов 50 минут.

Закончилась памятная церемония, нелегкий путь к которой доблестные войска Страны Советов начали от Москвы. Именно от Москвы — ведь заря Победы, взошедшая в этот весенний рассвет над поверженным Берлином, действительно впервые забрезжила в декабре сорок первого над заснеженными подступами к непокоренной Москве.

И нечто знаменательное было в том, что очень многие находившиеся тогда в карлсхорстском зале воины первые свои воинские подвиги совершили в дни разгрома немецко-фашистских войск у стен нашей столицы. И в том, конечно, что победный штурм Берлина возглавил советский полководец, возглавлявший героическую оборону Москвы.

0 часов 51 минута.

Фашистская Германия капитулировала.

Рукопожатия, объятия, слезы радости.

Какими же словами завершилась эта процедура, которую так ждал весь мир?

Самыми простыми. Но их простота лучше всяких торжественных слов свидетельствовала, что война кончена, враг сдался, началась мирная жизнь.

— А теперь, — широко улыбаясь, обратился Георгий Константинович Жуков к представителям союзного командования, нашим военачальникам и дипломатам, — прошу по русскому обычаю закусить чем военторг богат.

Должен, однако, сознаться, что, по утверждению Александра Андреева, фраза маршала звучала несколько иначе: «Прошу по русскому обычаю отведать чего тыл послал». А Роман Кармен в споре со мной отстаивал третий вариант, где фигурировал чуть ли не бог, милостиво пославший управлению тыла 1-го Белорусского фронта обильную закуску для банкетного стола.

Правда, ни у кого из нас, даже в пухлом блокноте аккуратнейшего и точнейшего из нас Мартына Ивановича Мержанова, эта фраза Г. К. Жукова записана не была. И неудивительно: в ту последнюю минуту исторической церемонии мы не совладали с нахлынувшим чувством безудержной радости и забыли о своих прямых корреспондентских обязанностях. Думаю, это нам простится.

«...ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ВЗДОХНУЛО СВОБОДНО»

Свершилось! Акт капитуляции подписан.

Все корреспонденты стремились поскорее выбраться из зала и помчаться к телеграфным и телефонным аппаратам.

Весь в напряжении, дорожа секундами, я подчеркнуто степенной походкой пробирался к дверям. А уж по лестницам, думал я, где не придется пробираться мимо никуда сейчас не спешащих генералов, бегом взлечу на «голубятню» к бодисткам. Голову сверлит тревожная мысль: не опередили ли меня, не захватил ли кто-нибудь мою «Кудель»!

Корреспонденция даже вчерне еще не закончена. Но дорога каждая минута — буду диктовать по черновым записям, пусть в редакции на сей раз сами доведут, как выражались некоторые корреспонденты, до кондиции.

Не успев выбраться в коридор, узнаю, что маршал Г. К. Жуков приглашает писателей на банкет. Заманчиво, конечно, в такие часы отужинать в обществе наших прославленных полководцев и представителей командования союзных армий. Из зала, где накрывают столы, уже доносилась музыка. И все же заставляю себя преодолеть искушение: прежде всего надо передать в редакцию очерк, знаменательно венчающий четыре года корреспондентской работы на фронте.

Замечаю, однако, как многие корреспонденты, одернув китель и наскоро пройдясь по сапогам первым попавшимся заменителем щетки, весело и беспечно направляются в зал. Не могу себе представить, чтобы кто-нибудь из нас пренебрег своим долгом фронтового литератора даже ради такого, единственного в истории банкета. Но почему? Что произошло?

Меня успокоили: из Москвы, дескать, сообщили, что в сегодняшних номерах газет будет помещено только официальное сообщение ТАСС о подписании акта капитуляции, а уж завтра, 10 мая, вместе с обращением партии и правительства к народу центральные газеты опубликуют очерки собственных корреспондентов.

Меня, правду говоря, обрадовал такой поворот дела, и я, даже толком не поинтересовавшись, кто и от кого получил такое указание, и наскоро приведа в порядок свою экипировку, тоже поспешил на звуки оркестра в банкетный зал.

Но, не дойдя до зала, неожиданно увидел в холле у телефонного аппарата ВЧ озабоченного и даже расстроенного Бориса Горбатова. Вместе со своим фронтовым спутником правдистом Мартыном Мержановым он настороженно прислушивался к разговору заместителя начальника военного отдела «Правды» Ивана Ивановича Золина с Москвой.

Будь то не Горбатов, я бы, вероятно, не остановился. Но, если сейчас он как бы не слышит доносящейся из зала музыки, не идет туда,

а напряженно, с большим душевным волнением ждет результатов разговора с редакцией «Правды», значит, решил я, и мне следует повременить с банкетом.

— Одну минуточку, Петр Николаевич,— торопливо сказал Золин по телефону главному редактору «Правды» П. Н. Поспелову,— с вами будет говорить Горбатов!

— Петр Николаевич,— воскликнул Горбатов,— это просто невероятно! Корреспондент агентства Рейтер уже хвастливо раструбил, что его корреспонденция пойдет в утренних газетах Лондона. А нам, пришедшим в Берлин с истинными героями штурма, предлагают рассказать читателю о капитуляции только завтра. Нелогично! Несправедливо! И, если хотите, оскорбительно. Не так для нас, как для читателей и для тех, кто взял Берлин!

Этот горячий монолог прозвучал в устах Горбатова, неизменно искреннего и неподдельно пылкого, отнюдь не высокопарной тирадой. Борис Леонтьевич эмоционально выплеснул все, что было у него на душе, он действительно никак не мог понять, почему рассказать читателям «Правды» о переполнявших его в эти исторические часы чувствах он должен с суточной отсрочкой.

И, прислушиваясь к его словам, я тоже вдруг остро ощутил непонятность и обидность такой отсрочки.

— Хорошо! Подождем, Петр Николаевич,— услышали мы ответ Горбатова редактору. Передав трубку Золину, он коротко бросил: — Кому-то звонит.

Отойдя от аппарата, Горбатов стал молча перелистывать блокнот. Молчали и его сотоварищи правдисты. Не нарушали молчания и стоявшие поодаль краснозвездинцы Леонид Высокоостровский и Павел Трояновский.

Через несколько минут телефонный разговор с Москвой возобновился. По вспыхнувшим глазам Золина нетрудно было догадаться, что редакция ждет очерка в сегодняшний же номер.

— Нужно четыреста строк,— сказал Золин Горбатову. И уже обращаясь ко всем остальным корреспондентам, добавил: — Указание дано редакциям только одно: не запаздывать с выходом номера...

— Так что, братцы,— подхватил оживившийся Горбатов,— все зависит от наших темпов. За работу!

Правдисты остались у аппарата ВЧ, а остальные устремились к заранее забронированным телеграфным аппаратам. Спеша на «голубятню» к своей «Кудели», я услышал, как гремят в банкетном зале аплодисменты, заглушаемые звуками туша. Там провозглашали тосты за Победу.

На сей раз бодистики уже не требовали у меня никаких разрешений, тут же быстро вызвали узел связи штаба Военно-Воздушных Сил в Москве и под мою диктовку стали передавать корреспонденцию для газеты.

Хотя московские связистки частенько останавливали передачу, перепроверя отдельные слова, особенно немецкие фамилии, мне показалось, что передача заняла всего каких-нибудь полчаса. Тем более, что тогда вопреки обыкновению я не вставил в корреспонденцию ни одной «контрабандной» фразы, обычно предназначавшейся для (о запоздалое раскаяние!) семьи. Тем не менее я закончил диктовать только в четвертом часу утра.

Минут через двадцать московский узел связи подтвердил, что дежуривший там сотрудник нашей редакции получил последние телеграфные листы и увез их прямо в типографию.

Уже в третьем часу спустился я с «голубятни» в холл. В кресле у аппарата полулежал совершенно обессиленный Горбатов. А неутомимый Мержанов по телефону перепроверял сданный в набор текст очерка «Капитуляция». Опубликованный в «Правде» 9 мая 1945 года, он начинался так:

«Восьмого мая тысяча девятьсот сорок пятого года человечество вздохнуло свободно.

Гитлеровская Германия поставлена на колени.

Война окончена.

Победа.

Что может быть сильнее, проще и человечнее этих слов!»

Когда Мержанов с облегчением спросил по телефону редакционно-го работника: «Значит, больше никаких неясностей?», — Горбатов неожиданно вскочил и протянул своему соавтору блокнотный листок:

— Мартын! Пусть вставят две фразы! В конец предпоследнего абзаца. Только две фразы!

Мержанов не взял листка. Поняв, однако, что спорить с возбужденным Горбатовым бесполезно, сделал все-таки попытку убедить редакцию включить в конец очерка еще две фразы. Но ему ответили: полоса уже идет на матрицирование и нельзя добавить ни единого слова.

— Концовка слабовата, — вздохнул Борис Леонтьевич и, заметив меня, спросил: — А вы, авиация, как? Успели передать?

— Успел.

— И мы успели, — подхватил подошедший к столику корреспондент «Красной звезды» Трояновский.

— А ведь если бы не вы, побежали бы, пожалуй, на банкет, — добавил Высокоостровский. — Спасибо вам, Борис Леонтьевич!

— Что ж, теперь и мы можем с чистой совестью закусить чем военторг богат, — весело повторил Горбатов слова Г. К. Жукова.

Мы направились к залу. И почти у самых дверей столкнулись с несколькими писателями, уже уходившими с банкета.

— Боря, — улыбаясь обратился к Горбатову один из них, его ближайший друг, — с какой это стати ты бойкотировал банкет? Ты ведь совсем не враг отменной жратвы... — Не разобравшись в много-

значительном молчании Горбатова, он шутливо продолжал: — Однако и мы, хотя и гурманы, тоже, как видишь, не рабы желудка. «Еще бокалов жажда просит залить горячий жир котлет», а мы, как пай-мальчики, самоотверженно ушли. Решили поспать часок и очерк в завтрашний номер сотворить на свежую голову.

— Пока вы, гурман, — Горбатов неожиданно обратился к другу не на ты, да еще по имени-отчеству, — вкушали за маршалским столом, мы с Мартыном Ивановичем передали очерк прямо в номер. В сегодняшней. Правда, на усталую голову.

Друг Горбатова обомлел. Да, обомлел в истинном смысле слова. До его сознания дошел допущенный им — правда, совсем не по его вине! — «зевок». В редакции так ждали его очерка, а он...

Уловив неподдельное огорчение друга, талантливого писателя, великодушно, повторяю, проявившего себя на всех этапах войны, Горбатов мгновенно сменил несвойственный ему раздражительный тон на участливый. Всегда чуждый жажде «вставить фитиль» товарищам из «конкурирующей» газеты, Борис Леонтьевич понял, как больно переживают свой промах товарищи, ставшие жертвой чьей-то небрежной информации. Но их уже невозможно было успокоить.

— Растерзал бы я того, кто первый пустил байку про завтрашний номер, — негодуя воскликнул друг Горбатова.

А его спутник и сотоварищ по газете (кстати, впоследствии он замечательно написал о последних днях войны и процедуре подписания акта капитуляции) решительно промолвил:

— Едем в Прагу, там еще воюют.

В зал, откуда так недавно были удалены сделавшие свое последнее дело представители поверженного гитлеровского рейха, я попал, когда Г. К. Жуков уже закончил короткую речь, завершившую многочисленные тосты на русском, английском, французском языках.

Сейчас здесь царил музыка, по-настоящему бурлило веселье. Не случайно вылилось оно в песни и пляски. «Вне конкуренции плясали советские генералы, — справедливо отметил впоследствии Георгий Константинович. — Я тоже не удержался и, вспомнив свою юность, сплясал русскую».

Маршал не счел, правда, нужным упомянуть, как соперничать с ним попытался французский генерал Делатр де Тассиньи. Но, по свидетельству заместителя командующего 1-м Белорусским фронтом по тылу И. А. Антипенко, отвечавшего за проведение исторического ужина и потому совершенно не прикоснувшегося к вину, заплясавший французский генерал «вскоре потерял равновесие, что не помешало ему сохранить отличное настроение».

Уже потом я узнал, что ужин был вначале запланирован как обед и назначен на три часа дня. Однако и после полуночи гости воздали должное и пирогу по-белорусски, и индюшке по-украински, и шашлы-

ку по-грузински. Вот только со щами русскими чуть не приключилась осечка — они перестояли двенадцать часов. Но находчивые повара превратили щи в супочные, не за счет, конечно, качества. Гости достойно оценили поварскую изобретательность.

Горбатову, Мержанову, мне и другим «опоздавшим» не довелось отведать «коронные» блюда. Но в снеди на столах недостатка не было.

Она пробудила во мне неслыханной силы аппетит. Я примостился подле знакомых авиационных генералов и начал жадно уплетать закуски. Член Военного совета Воздушной Армии генерал-лейтенант Виноградов узнав, что я с утра ничего не ел, стал заботливо подвигать ко мне блюда и сказал соседу по столу:

— Оказывается, последними заканчивают войну корреспонденты.

Насытившись, я огляделся и наискосок от себя увидел Всеволода Иванова. Отставив тарелку, он неторопливо делал записи в блокноте. Заметив меня, с многозначительной улыбкой подвинул ко мне огромное блюдо с сырами всяческих сортов, намекая тем самым на раздобытый мной для него спасительный бутерброд с сыром. И спросил:

— Почему так поздно?

Поняв, что Всеволод Вячеславович тоже пал жертвой небрежной информации и намерен только утром передать в «Известия» очерк о капитуляции, я не стал расстраивать его и в ответ загадочно развел руками.

Мой жест, однако, не удовлетворил Иванова:

— Что вас все-таки задержало? Почему-то и Горбатов тоже только что заявился.

Не успел я придумать успокоительный ответ, как кто-то резко прикоснулся к моему плечу. Я оглянулся и увидел молодого, но безнадёжно лысого человека в полувоенном костюме цвета хаки. Он обратился ко мне на идиш:

— Я единственный корреспондент еврейской прессы Соединенных Штатов при штаб-квартире командования союзных войск. Хочу задать вам, господин Солодарь, один, только один вопрос.

Тогда, в часы, когда пришла долгожданная Победа и мысли были только о ней, мне и в голову не могло прийти, что вопрос «единственного» корреспондента окажется столь густо сдобренным махрово националистическим, сионистским соусом. Присев рядышком на стул, нежданный собеседник, испытующе глядя на меня, спросил:

— Вы, советский майор еврейской национальности, конечно, поспешили точно установить, какой процент составляют евреи среди людей, которых спасла наступающая Красная Армия?

— Видел на дорогах войны немало колонн освобожденных нашими частями узников фашизма, — ответил я. — Видел изможденных стариков и преждевременно поседевших женщин с детьми в самодельных тележках. И писал в своей газете о них, об их наскоро

написанных плакатах со словами благодарности советским воинам-освободителям. На самых разных языках видел я эти плакаты: на польском, голландском, словацком, французском, сербском. Радовался за спасенных людей, но никакой статистической проверкой их национального происхождения не занимался.

— Странно, — отчеканил сионист и демонстративно вскочил со стула. Отходя, он резко бросил мне: — Неужели вас может одинаково радовать спасение евреев и спасение кого-нибудь из тех наций, которые всегда ненавидят евреев?

Только впоследствии я понял, что, по существу, услышал вариацию на тему извечного сионистского лозунга о том, что, дескать, «все остальные народы» против евреев. А работая над публицистической книгой «Дикая полын» я прочитал такое ультраклеветническое, античеловечное утверждение молодого сионистского историка Цинтии Озик: «Сегодня весь мир хочет видеть евреев мертвыми». И, естественно, сразу же вспомнил подленький вопрос человечка в полувоенном костюме.

Но тогда, на приеме в честь только что законченной последней страницы Великой Отечественной войны, даже диалог с сионистским наглецом не испортил мне радостного настроения.

К тому времени весть о капитуляции фашистской Германии выплеснулась уже на улицы Берлина и пригородов. И в окна донесли первые раскаты импровизированных салютов наших воинов в честь Победы. Я поспешил на улицу.

Нержданно для себя из здания во двор я вышел почему-то через какую-то боковую дверь. На часах стоял молодой матрос. Он был из Днепровской военной флотилии, дошедшей сюда до Шпрее. В нарушение устава караульной службы он с жизнелюбивой смешинкой обратился ко мне:

— Значит, товарищ майор, теперь Гитлеру и усим його гадам — полный амбей!

Певучий украинский говорок молодого днепровца мгновенно воскресил в моей памяти детство и юность на родной Украине, в Виннице и Киеве. И, поддавшись властному порыву, я усугубил нарушение устава — обнял часового.

Из демаскированных окон вместе с музыкой лился непривычно ослепительный свет. Я так мечтал увидеть эту картину в Москве, а довелось — в Берлине.

Предутренний холодок напоминал о подмосковных летних утренниках когда под несмелыми солнечными лучами серебрится на траве иней Аромат яблоневого и вишневого садов смешивался с тяжелым запахом густо стлавшейся над притихшим Берлином гари Где-то неподалеку напевно звенели голосистые переливы русской гармонии.

Выйдя за ворота, услышал залиvistую частушку. Она доносилась от походной кухни, где наши пехотинцы щедро угощали русской кашей и свежим хлебом изголодавшихся берлинских ребятишек:

Фашист на Волгу шел нахрапом,
А потом за Одер драпал.
Но на Шпрее, на канале
Мы каналью доконали.

И тут же с другого конца улицы донеслось:

Гитлеровцы — ах и ох!
Поднимают хенде хох.
Прошла капутиляция,
Пришла капитуляция!

Пришла!

...Уже чуть ли не в полдень мы с Леонидом Коробовым на повывавшем виды «опель-кадете» поехали в Штраусберг через центр Берлина.

Улицы спасенного от фашистского владычества Берлина показались нам в те часы непривычно людными.

У районных комендатур советского гарнизона толпились оживленные немцы, преимущественно глубокие старики и изможденные женщины, — там продолжалась выдача продовольственных карточек изголодавшемуся населению. Проносились военные грузовики с сугубо мирным грузом, вроде одеял и подушек, в спешно открываемые приюты для детей, потерявших родителей.

Встречались и освобожденные из концлагерей узники. Но сейчас они уже не выглядели столь мрачно и понуро, как несколько дней назад. Шли они небольшими колоннами с самодельными флагами Польши, Югославии, Франции, Чехословакии, Бельгии. Осознавшие радость освобождения, они даже иногда запевали национальные песни и в такие минуты особенно приветливо улыбались нашим бойцам.

— Да, верно написал Горбатов, — сказал я Коробову. — Человечество действительно вздохнуло свободно.

Как бы в знак согласия со мной Коробов, заметив небольшую колонну недавних узников с плакатами на словацком языке, остановил машину и крикнул им:

— Передайте привет Братиславе, содруги и содружки!

Растроганные возгласом Коробова, словаки окружили нашу машину, каждый хотел обнять советского офицера или хотя бы пожать ему руку.

Где-то в районе Шпандауэрштрассе увидели лихо скачущую по берлинской мостовой, точнее брусчатке, небольшую кавалерийскую колонну во главе с совсем юным рыжеволосым казаком на норвистом коне. Кавалеристы вели своих коней к Ландвер-каналу на водопой.

Зрелище до того необычно, что на казаков загляделись не только берлинские жители, но и проезжавшие там наши офицеры. Многие даже остановили свои автомашины, чтобы получше разглядеть, как казаки поведут коней по исчербленному снарядами асфальтированному спуску к воде. Недалеко от перекрестка образовалась небольшая пробка, и молодая регулировщица с медалью «За боевые заслуги» на гимнастерке и погонами младшего сержанта заметно разволновалась. Властным взмахом флажка остановила она кавалеристов, а водителям машин приказала двинуться.

Молодой казак подчеркнуто смиренно взял под козырек и, сдерживая горячего коня, подъехал к девушке. Сначала она обдала его гневным взглядом, но после его слов сменила гнев на милость, широко улыбнулась верховому, коротко что-то сказала ему и, увидев, что скопление машин растаяло, строго крикнула кавалеристам:

— Не задерживай движенья! Проезжай! Побыстрой!

Молодой казак снова откозырял девушке и, затаив песню про буденновцев, повел конный строй к спуску.

Выйдя из машины, я спросил девушку:

— Откуда вы дошли до Берлина?

— Ихняя землячка, — охотно ответила регулировщица и кивнула в сторону удалявшихся кавалеристов: — Наши, донские они.

Когда наша машина тронулась, Коробов сказал:

— Да, картина: едут по Берлину наши казаки!

— На конях-дончаках, — добавил я. — «Едут, едут по Берлину наши казаки».

Эта строчка, по ритму очень песенная, не оставляла меня в самолете, на котором я с остановками в Польше и Белой Церкви летел в Москву.

Дома я оказался поздним вечером. Тут же позвонил талантливому композитору-песеннику Дмитрию Яковлевичу Покрассу и прочитал ему по телефону написанные в самолете стихи про молодого казака, повстречавшего на берлинской мостовой землячку с тихого Дона.

— Если бы вы обратились к другому композитору, наша дружба пошла бы врозь, — услышал я от Покрасса. — Я как-никак кавалерист, буденновский боец. Написал марш буденновцев, написал с Алексеем Сурковым песню про конармейцев гражданской войны, должен написать и про казаков в поверженном Берлине.

Вскоре мне позвонил по телефону младший брат и соавтор Дмитрия Яковлевича, так рано ушедший из жизни Даниил. Напел мне начало новой песни: «По берлинской мостовой кони шли на водопой,

шли, потряхивая гривой, кони-дончаки...», и попросил исправить две строчки последнего запева.

А под утро меня вызвал к телефону Дмитрий Яковлевич, положил трубку на рояль и дуэтом с Даниилом спел мне только что родившуюся, тепленькую, как он выразился, песню. Мы назвали ее «Кзаки в Берлине».

Когда она прозвучала по радио, когда ее запели в садах и парках, мне почему-то (теперь-то я понимаю — почему!) вспомнились горбатовские слова из последнего его военного очерка в «Правде»:

«Человечество вздохнуло свободно».

ОСВОБОДИТЕЛИ

В «дом Гимmlера», как называли в Берлине здание гитлеровского министерства внутренних дел близ моста Альт-Моабит, я попал через несколько часов после капитуляции фашистского гарнизона Берлина. Хотел своими глазами увидеть этот важнейший опорный пункт отборных гитлеровских фанатиков, так и не сумевших преградить нашим частям путь к рейхстагу.

В сохранившейся части подвалов «дома Гимmlера» группа наших офицеров заканчивала при мне беглый осмотр уцелевших от огня разрозненных остатков нацистских архивов. И записывая рассказы о содержании найденных документов, я видел на другом берегу Шпрее-канала пламеневшее над рейхстагом Красное знамя Победы. Оно красноречиво говорило: армия Советской страны, разгромив гитлеризм, спасла десятки миллионов людей разных национальностей от порабощения и физического уничтожения немецким фашизмом!

И в эти самые минуты наши офицеры показали мне документальные свидетельства обогранных кровью сделок между нацизмом и сионизмом.

Тогда я впервые услышал много имен сионистских агентов, яшавшихся с Гимmlером и его подчиненными. Назову хотя бы Луи Хагена (Леви). Его активная антисемитская деятельность была отмечена не только гитлеровцами, но даже и Ватиканом: Хагена наградили папским орденом святого Сильвестра. Об откровенно противоеврейском характере деятельности этого нацистского разведчика можно судить по такому его донесению своим нацистским хозяевам. «В национальных еврейских кругах очень довольны радикальной германской политикой в отношении евреев (имеются в виду жестокие преследования немецких евреев, заставившие многих бежать из гитлеровской Германии.— Ц. С.), потому что с ее помощью увеличивается еврейское население в Палестине, так что в недалеком будущем можно будет рассчитывать на перевес евреев над арабами».

Такое циничное признание сионистского эмиссара оказалось достойным прологом к еще более кощунственным документам: в них речь прямо шла о том, как сионистские службы намеренно, применяя предательские диверсии, срывали попытки бойцов движения Сопротивления оккупированных стран и партизанских отрядов спасти хотя бы часть евреев — узников фашистских гетто.

Привожу такую запись из своего берлинского дневника той поры:

«Комментарии офицеров к найденным в архиве документам и выдержкам из сионистских газет слышит и дежурный связист сержант Зиновий Мильруд. От внезапного волнения он то бледнеет, то багровеет и нервно потирает лоб. Вопросающе смотрит на меня лихорадочными глазами. Его родители убиты в черновицком гетто, и мне кажется, он сейчас не понимает, как я способен по нескольку раз переспрашивать офицеров и методично записывать их рассказы о таких ужасах.

Другой радист сменяет Зиновия Мильруда у рации, и он уходит вместе со мной. После длительного молчания говорит:

— Сионисты, получается, оплачивают свою политику еврейской кровью, еврейскими жизнями! Сейчас я наконец понял, почему евреи у Вислы проклинали сионистов...

У Вислы?!

Оказывается, рота младшего лейтенанта Хайретдинова из сражавшейся в Польше вместе с частями Армии Польской нашей 47-й дивизии обнаружилась в лесу под Вислой четырнадцать умиравших от голода евреев. Они чудом вырвались из варшавского гетто и очутились в самом пекле боя.

Старший из беженцев, седобородый старик, обращаясь к младшему лейтенанту Хайретдинову, то и дело повторял:

— Клянусь, гитлеризм в тысячу раз хуже татарского ига! В те давние годы и присниться не могло то, что сегодня творят с людьми немецкие фашисты! А сионисты говорили, нет, не говорили, а приказывали нам: не сопротивляйтесь, покоряйтесь, у вас другого выхода нет! Да будут прокляты изменники Носсиг, Румковский... — Остальные фамилии Мильруд забыл.

Командир роты приказал Зиновию и двум рядовым надежно укрыть беженцев подальше от передовой и обеспечить их продовольствием. Когда советские воины прощались с беженцами, старик спросил Мильруда:

— Кто ваш командир?

— Младший лейтенант Красной Армии, — услышал он в ответ.

— А по национальности?

И узнав, что Хайретдинов — татарин, старик опустил голову и тихо сказал своим спутникам:

— Хоть бы мои внучата не повторяли ошибки их деда и не судили о людях по национальности. — И добавил, обращаясь к Мильруду: —

Передайте вашему командиру, что сегодня, на шестьдесят четвертом году жизни, я понял, как нас обманывали и обманывают сионисты. Никогда я больше им не поверю, что другие народы — враги евреев! Я проклиная сионизм!»

Ни Мильруд, ни, признаюсь, я не знали еще, какие каннибальские расчеты стимулировали сионистских лидеров оставаться преступно глухими к мольбам и стенаниям сотен тысяч узников фашистских гетто. Сионисты заботились не о спасении изможденных, обреченных на газовые печи людей, а о выкупе «избранников», имевших солидные вклады в банках нейтральных стран, об отправке в Палестину здоровых, специально натренированных молодых людей, способных проявить себя истинными колонизаторами в разбойничьих операциях по изгнанию палестинцев с их земель.

«Хочу, чтобы убили миллион польских евреев», — писал в своем дневнике Аба Ахимеир, ближайший помощник Арлосорова, крупного сионистского лидера. Ахимеир хладнокровно рассчитал, что истребление миллиона польских евреев заставит оставшихся в живых переехать в Палестину.

Когда гитлеровцы оккупировали Польшу и Литву, им стали пособлять предатели сионистской закваски. Откровенно сотрудничать с оккупантами в Варшаве начал руководитель сионистских групп так называемого «правого» направления Авраам Гайнцах. В Вильно по его примеру пошел сионист из крыла «левых» Яков Генс, начальник еврейской полиции гетто. Стоило оккупантам узнать о существовании в гетто движения Сопrotивления во главе с коммунистами, как Генс по их приказу заманил коммуниста Ицика Виттенберга к себе в кабинет и выдал его гестаповцам.

И это делалось, несмотря на то, что, по признанию сионистского историка Исаяи Транка, в восточных районах оккупированных стран географическая близость гетто к партизанским базам обеспечивала возможность спасения многих заточенных там евреев.

В 1942 году Советское правительство трижды довело до сведения мировой общественности чудовищные факты зверств фашистских оккупантов, в частности, официально сообщило о геноциде в отношении еврейского населения. 19 декабря был опубликован подкрепленный большим фактическим материалом советский документ «Осуществление гитлеровскими властями плана истребления еврейского населения Европы».

А сионисты, верные своим фанатичным стремлениям захватить и колонизировать Палестину, продолжали вопить о равнодушии к судьбе евреев со стороны «всех остальных народов». Сионистская пропаганда упорно подчеркивала «преувеличенность» советских сообщений о гитлеровском геноциде в отношении евреев. Дав Жозеф, руководитель политического департамента головной организации международного сионизма, выступающей под «беспартийным» псев-

донимом «Еврейского агентства», цинично оправдывал сокрытие от человечества истинных масштабов гитлеровских зверств: «Если мы объявим, что нацисты убили миллионы евреев, нас с полным основанием спросят, где же тогда те миллионы евреев, для которых, по нашему утверждению, нам после окончания войны понадобится обеспечить национальный очаг на земле Израилевой».

А советские воины-интернационалисты, воины-освободители, продвигаясь с боями на запад, продолжали, не щадя жизни, освобождать узников гитлеровских застенков.

Дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник Д. А. Драгунский вспоминал на пресс-конференции возглавляемого им Антисионистского комитета советской общественности:

«Наша 55-я гвардейская танковая бригада на всем боевом пути освобождала города, села, концентрационные лагеря, в которых томились жертвы фашизма: русские, поляки, чехи, французы, евреи, англичане, американцы и другие.

При освобождении танкисты обнимали узников, плакали вместе с ними — это были слезы радости и боли за своих родных и близких, погибших в немецких лагерях смерти. Им отдавали хлеб, сахар, делились всем тем, что имели.

В лесах между Болеславцем и Любанью на территории Польши в подвале огромного сарая мои разведчики обнаружили обросших, полуживых людей — это были польские евреи, чудом спасшиеся от фашистской расправы. Танкисты раскрыли подземелье, вытащили 250 голодных, истощенных, полуживых людей. Там же были и десятки разложившихся уже трупов.

Две недели мы держали их в своем медицинском подразделении, им была оказана немедленная медицинская помощь. Медики, повара, солдаты не отходили от них и поставили их на ноги. Потом все были отправлены в освобожденные города.

И таких примеров было очень много и на территории Белоруссии, Украины и Польши, когда советские войска освобождали узников фашистских концлагерей всех национальностей, в том числе евреев».

Далеко не случайно напомнил об этом советский военачальник на пресс-конференции, посвященной преступному сотрудничеству сионистов с нацистами. Дело в том, что американские «крестоносцы» и иже с ними, всегда пытавшиеся любыми средствами умалить, принизить освободительную роль советских войск во второй мировой войне, особенно ужесточили свои клеветнические измышления по мере приближения 40-летия Великой Победы над фашизмом.

И, как обычно, с наибольшим усердием подхватили лживые выдумки вашингтонских хозяев их сионистские наймиты. Стараясь переоголять одна другую, сионистские газеты в бессильной злобе тщатся доказать, что в весьма редких случаях советские воины «вынуждены были в ходе наступлений подбирать» спасшихся из

фашистских концлагерей узников-одиночек и уж совсем изредка «встречали» разрозненные группы беглецов из гетто.

И такую фарисейскую ложь осмеливаются пропагандировать те, кто возрождает нацистские кровавые способы беспощадной расправы с людьми «неполноценной» расы, кто предаёт смерти мирных ливанцев и палестинцев!

Историческая правда заключается в том, что в пору второй мировой войны советским воинским частям удалось осуществить целый ряд труднейших боевых операций по массовому спасению обречённых гитлеризмом на сожжение в газовых печах евреев. Проведение подобных операций чрезвычайно затруднялось таким обстоятельством: чувствуя приближение своего конца, нацистские бонзы разработали оперативный план срочного и полного уничтожения узников, ещё сохранивших признаки жизни. Именно в последние дни войны Гиммлер и его подручные рассылали комендантам концлагерей и гетто приказы о немедленном уничтожении оставшихся в живых евреев. Даже те кучки еврейских узников, ценою жизни которых Гиммлер, как разменной монетой, пытался выторговать для себя поблажки у командования западных союзников, тоже были уничтожены — например, более полутора тысяч людей, заточённых в концлагере Берген-Бельзен на голландской территории.

И все же советским воинам-интернационалистам удалось блестяще провести операции по массовому спасению заключённых. Об одной из таких операций, будапештской, я уже рассказывал в книге «Дикая полянь». Но сейчас стоит к ней вернуться. Первые дни февраля сорок пятого. Наши войска, форсировав Дунай, завязывают бои в Пеште. Все ближе и ближе подходят они к району гетто. Там остаётся ещё 70 тысяч узников. Вывести их в лагерь смерти эсэсовцы уже не могут. И они решают превратить гетто в подобный лагерь.

Но будапештские коммунисты-подпольщики немедленно сообщили об этом командирам наступающих советских частей. И тут же у самой линии боев загрохотали наши репродукторы: советские офицеры почти без интервалов и с разных пунктов предупредили эсэсовцев, что за уничтожение незащитного мирного населения последует самое беспощадное возмездие. Только это и остановило гитлеровцев. А наши войска с боями приближаются к гетто.

— Только беззаветная храбрость советских воинов, в частности из частей войск генерал-лейтенанта И. М. Афонина, предотвратила гибель десятков тысяч венгерских евреев. Советские войска помешали гитлеровцам взорвать гетто. В те часы советские офицеры и солдаты не медлили ни одной минуты. И в боях за освобождение гетто показывали чудеса храбрости.

Эти слова я услышал от начальника военно-исторического института и музея венгерской Народной армии полковника Эрвина Липтои.

А студент-филолог Будапештского университета Лайош Вага рассказал мне:

— Вот уже более тридцати лет будапештцы из уст в уста передают быль о двух советских солдатах, дошедших от Волги до Дуная. Мой отец в двенадцать лет услышал эту быль от моего деда, а мне рассказал ее, когда я впервые собрался на пионерский сбор. У нас на факультете все ее знают... Итак, два русских солдата — один совсем еще молодой, а другой уже с сединой — переправились через Дунай со своей частью в Пешт. Там еще шли жестокие бои за каждый уголок. Заглянув в подозрительный подвал булочной, русские выковыряли спрятавшегося за мешки с мукой салашистского вояку из «Скрещенных стрел». Он упал на колени и взмолился о пощаде. Молодой солдат с грехом пополам понял завывавшего от страха салашиста: гитлеровцы вбили ему в голову, что советские воины расстреливают пленных на месте. Вояка из «Скрещенных стрел» умолял не убивать его, а поскорее доставить к самому главному советскому командиру. Зачем? А он может сообщить очень важное известие. Какое? Немного поколебавшись, салашист рассказал, что бежавшие эсэсовцы и гестаповцы приказали под угрозой смерти карательным командам «Скрещенных стрел» уничтожить оставшихся в гетто людей. Не щадить никого: ни стариков, ни детей. Как раз сейчас идет подготовка к выполнению злодейского приказа: обитатели гетто сгоняются в строения, которые будут взорваны и подожжены со всех сторон. Выслушав это, седой солдат сказал салашисту: «Мы, простые советские воины, скажем тебе то же самое, что и наш лейтенант, и полковник, и сам маршал Толбухин. Ты такое слово знаешь — ультиматум? Так вот. Ползком, бегом, но только поскорей добираться до своих «стрел» и передай наш ультиматум: если будут убивать беззащитных людей, никого из ваших карателей не пощадим. Никого! Не послушаются — пусть на себя пеняют! Хотя не дадим им даже времени попенять».

Советские солдаты заставили салашиста поползти в тыл, туда, где считанные минуты оставались до кровавой расправы над несчастными, — продолжал Лайош. — И салашист добрался-таки до своей команды, сгонявшей десятки людей в здание летнего кинотеатра. «Нам предъявили ультиматум!» — торопливо крикнул он карателям. Взбешенный начальник карательной команды выхватил пистолет. Но подчиненные, спасая собственную шкуру, опередили его и мгновенно изрешетили автоматными очередями. А затем все каратели быстро пустились наутек из «опасной зоны»...

Вот такая быль передается много лет из уст в уста в нашем Будапеште, — закончил свой рассказ будущий филолог Лайош Вага. — Когда-нибудь я расскажу ее своим детям...

Что ж, эта бесхитростная быль честным голосом благодарных будапештцев подтверждает десятки документов, свидетельствующих,

как в тяжелых боях за освобождение Пешта советские воины делали все возможное и невозможное, только бы вырвать узников гетто из кольца смерти.

А кто спас 17 тысяч венгерских евреев, отправленных на каторжные работы в оккупированную Австрию?

— Чудо,— отвечает на этот вопрос сионистская пропаганда.

— Если тогда я действительно видел чудо, то его свершили советские пехотинцы,— уточняет вывезенный в Австрию гитлеровцами житель Сегешвара Лео Кашнер.

Да, только неожиданный и молниеносный бросок нашей пехоты заставил поспешно бежавших гитлеровцев пренебречь приказом их командования о поголовном уничтожении измученных узников.

Очень интересные подробности смелого броска воинов-освободителей помнят спасенные тогда люди. Среди них — известный венгерский писатель Пал Бардош. Кстати, он из тех депортированных, кого в Сегеде сионистские руководители местной еврейской общины, усердно выполняя указания Каствнера и его помощников, уговаривали не нарушать «спокойного порядка» депортации.

Не любят сионисты вспоминать и о спасении советскими воинами более полутора тысяч венгерских евреев на венгеро-австрийской границе. В Балфе, Хидегшеге, Кёрменде и других городках согнанные в эшелоны люди ожидали экстренной отправки в Маутхаузен. Но обходной рейд наших танкистов вызвал панику среди гестаповских конвоиров.

Позабыв об эшелонах, они бежали. Очень многие из спасенных людей были в таком тяжелом состоянии, что буквально несколько часов отделяли их от смерти на почве истощения. И опять-таки первую помощь им оказали врачи и сестры из наших медсанбатов.

Почему же эти и им подобные факты с такой старательностью утаивает сионистская пропаганда? Почему ее злобные опровержения вызывает любое упоминание о том, как советские воины спасали узников гетто?

Иного и не приходится ожидать от международного сионизма. Если его историк Ицхак Арад осмеливается утверждать, что «все народы были равнодушны к беде евреев на оккупированных территориях», то Цинтия Озик продолжает античеловечно утверждать: «Сегодня весь мир хочет видеть евреев мертвыми».

Особенно азартно муссируют сионистские пропагандисты версии о равнодушии Советской Армии к судьбе населения, загнанного в фашистские гетто. А ведь среди этих, с позволения сказать, пропагандистов можно встретить и таких, кого спасли советские воины, освобождая оккупированные территории нашей страны, Польши, Германии, Венгрии, Чехословакии.

Для наших воинов, воспитанных в духе социалистического интернационализма, чужого горя не бывает. Не щадя крови и жизни,

шли они с освободительными боями вперед, освобождая поработанных нацизмом людей любой национальности. И зачастую только после тяжелого боя узнавали национальность спасенных ими людей. А иногда, так и не успев узнать, шли дальше на запад. Шли на штурм других фашистских застенков.

Через несколько часов после капитуляции Берлина записал я рассказ старшего сержанта Н. Пескова, командира комсомольской штурмовой группы, шедшей на захват дворца кайзера Вильгельма на Шлоссплац. Рассказав мне, как младший сержант Алексеенко, не добравшись еще до крыши кайзеровского дворца, укрепил «для поднятия боевого духа» красный флаг в окне второго этажа, Песков воскликнул:

— А ведь Алексеенко и на освобождение пленных первым ринулся.

— Каких пленных?

— Вернее, не пленных, а каторжников. В глубоких подвалах без воздуха гитлеровцы заставляли их по двадцать часов в сутки делать какие-то части для минометов. Обнаружили мы эту каторгу по дороге к кайзеровскому дворцу. С разрешения комбата задержались там на двадцать пять минут. Охрана-то была сверху, с ней мы быстро покончили. А когда ворвались в подвал, каторжники сразу даже не поверили, что они свободны.

— Какой они были национальности?

— Извините,— смущенно ответил старший сержант,— не успели расспросить. Надо было дальше спешить. Рядовой Бахолдин, он у нас в роте первый весельчак, дает голову на отрез, что разобрал несколько французских слов молодой, но совершенно седой женщины. А санитарка Дуся Цивирко — она сразу принялась за свое медицинское дело — сумела кое-как поговорить со словаком. Но каких именно национальностей людей мы освободили, точно сказать не могу. Знаю одно: спасли семьдесят шесть узников фашизма. И пошли на штурм кайзеровского дворца!

Старший сержант Песков и его боевые товарищи из комсомольской штурмовой группы, подобно десяткам тысяч советских воинов-освободителей, имеют право с гордостью сказать словами поэта-фронтовика: «Не спрашивайте — сколько мы убили, спросите раньше — сколько мы спасли!..»

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Коммунисты, вперед!	3
Капитуляция	13
«...Человечество вздохнуло свободно»	32
Освободители	40

Цезарь Самойлович СОЛОДАРЬ

КАПИТУЛЯЦИЯ

Редактор Б. А. Леонов

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 18.12.84. Подписано к печати 08.02.85.
А 03628. Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура
«Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд.
л. 3,17. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 85 000 экз. Изд. № 530.
Заказ № 4050. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства
ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

● В книжных магазинах книготоргов и потребсоюзов Российской Федерации книги можно не только купить, но и приобрести их по выигрышным билетам Всероссийской книжной лотереи.

● Стоимость билета 25 копеек. Сумма выигрыша (50 копеек, 1, 3 и 5 рублей) указана на внутренней стороне запечатанного билета.

● Вероятность выигрыша велика, так как из каждых 200 билетов — 69 выигрышных!

● По выигрышным билетам можно приобрести любую книгу или другие печатные издания по своему выбору из наличного ассортимента книжного магазина или киоска.

● Если сумма выигрыша меньше стоимости выбранной вами книги, можно произвести доплату наличными деньгами.

● Прочитанные книги вы можете предложить книжным магазинам для повторной продажи. Этим вы окажете добрую услугу другим книголюбам.

Росглавкнига
Дирекция Всероссийской книжной лотереи
книготорг